

ПЕРЕВОД ПРАВОВЫХ ТЕКСТОВ:
ФИЛОСОФСКИЕ, ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ
И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

В. М. БУДИЛОВ*

Главная цель статьи — совершенствование методологии перевода правовых текстов. Дополнительные цели: исследование переводов правовых текстов с философской и теоретико-правовой точек зрения, призыв к дальнейшей дискуссии относительно предметов статьи. От переводов правовых текстов часто зависят права граждан и юридических лиц, а также развитие права и законодательства. Это побудило автора начать статью с рассмотрения влияния переводов правовых текстов на развитие права, в особенности российского. Затрагиваются вопросы, касающиеся преимуществ и рисков для правотворчества, связанных с переводом правовых текстов. Автор считает необходимым учитывать новейшие специальные исследования филологов, юристов и философов при совершенствовании методологии переводов правовых текстов. При этом, по его мнению, не следует забывать относящиеся к этому предмету произведения правоведов и философов прошлого. Их философские оценки и методологические подходы во многом сохраняют свою ценность. Автор исследует роль, которую играют переводы и переводчики правовых текстов с точки зрения философии и общей теории права. В связи с этим, а также для демонстрации трудности деятельности по переводу правовых текстов автор задает вопрос: можно ли добиться эквивалентности при переводе правовых текстов? Автор дает на этот вопрос дифференцированные ответы, которые зависят от вида и сложности переводимого правового текста. Далее автор представляет свою точку зрения на методологические и практические аспекты понятия и структуры деятельности по переводу правовых текстов. В правоведении давно известна проблема несовершенства выражения правовых текстов. Автор рассматривает эту проблему в ее связи с деятельностью по переводу правовых текстов. Он предлагает взаимосвязанные методы достижения совершенного выражения при переводах правовых текстов. Вопрос о том, кто может быть переводчиком правовых текстов, также требует дифференцированных ответов. Автор излагает свое мнение о необходимой лингвистической, культурологической и предметной компетенции. В завершение рассматриваются некоторые проблемы цивилистики, связанные с переводами правовых текстов. Статья предназначена для юристов и лингвистов, исследующих деятельность по переводу правовых текстов и занимающихся юридической лингвистикой, методологией переводов правовых текстов, переводами правовых текстов, а также для юристов, занимающихся сравнительным правоведением или использующих в своей деятельности переводы правовых текстов.

* Будиллов Владимир Михайлович — кандидат юридических наук, независимый исследователь (Берлин).

Vladimir M. Budilov — candidate of legal sciences, independent researcher (Berlin).

E-mail: vbudilov@mail.ru

© Будиллов В. М., 2017

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: перевод правовых текстов, методология, интерпретация, толкование права, коммуникация, юридическая лингвистика, сравнительное правоведение, совершенное выражение правовых текстов.

BUDILOV V. M. TRANSLATION OF LEGAL TEXTS: PHILOSOPHICAL, THEORETICAL AND LEGAL AS WELL AS METHODOLOGICAL ASPECTS

The main purpose of the article is to improve the methodology of translating legal texts. Additional purposes include studying of translation of the legal texts from a philosophical, as well as theoretical and legal perspectives; a call for further discussions concerning the subject matter of the article. The rights of citizens and legal persons, as well as development of the law and legislation often depend on translation of the legal texts. This prompted the author to start the article with consideration of the impact of translation of the legal texts on the development of law, in particular of the Russian law. The author touches upon the issues of risks and benefits for the law-making process associated with translating the legal texts. The author believes that it is necessary to take into account the latest special studies of linguists, lawyers, and philosophers, when improving the methodology of translating the legal texts. In his opinion, however, the works of lawyers and philosophers of the past related to this subject should not be forgotten. Their philosophical assessments and methodological approaches largely retain their value. The author explores the role of translations and translators of the legal texts from the point of view of philosophy and general theory of law. In this regard, as well as to demonstrate the difficulties of translating the legal texts, the author poses a question: is it possible to achieve equivalence in translating the legal texts? The author gives differentiated responses to this question depending on the type and complexity of the translated legal text. Further, the author presents his point of view on the methodological and practical aspects of the concept and structure of translating the legal texts. The problem of imperfect expression of the legal texts has been known in the jurisprudence for a long time. The author examines this problem in its connection with translating the legal texts. He proposes interrelated methods to achieve the perfect expression while translating the legal texts. The question who can be the translator of the legal texts also requires differentiated answers. In connection with this issue, the author sets out his view on the necessary linguistic, cultural and subject-matter competence. The author concludes the article by examining several problems of the civil law science that are associated with translating the legal texts. This article is intended for lawyers and linguists studying translation of the legal texts and dealing with legal linguistics, methodology of translation of the legal texts, translations of the legal texts, as well as for lawyers engaged in comparative jurisprudence or using translations of the legal texts in their activity.

KEYWORDS: translation of the legal texts, methodology, interpretation, interpretation of law, communication, legal linguistics, comparative jurisprudence, perfect expression of the legal texts.

1. Вступление

Независимо от сферы профессиональной деятельности юристам приходится сталкиваться с проблемами понимания, подбирать точные словесные формулировки и искать «верные» значения в правовых текстах. С давних пор эта сторона юридической деятельности исследуется правоведами либо в общем виде в рамках методологии правоведения и юридической герменевтики, либо, в большей мере, в прикладном плане,

как искусство толкования права или юридической техники. А. В. Поляков справедливо указывает, во-первых, на толкование правовых текстов как на необходимый элемент любой юридической деятельности и, во-вторых, на коммуникативную сущность этой деятельности: «Любая интерпретация текста, в том числе текста правового, есть коммуникативный и диалогический процесс, обусловленный “субъектным фактором” и принципиально допускающий различные интерпретации при различных исторических и социальных обстоятельствах»¹. Интерпретация существенно усложняется, если ее предметом являются правовые тексты на иностранных языках. Внешняя сторона этого усложнения проявляется в том, что определение точного значения слов в соответствующем правовом тексте, а также понимание и интерпретацию текста в целом приходится осуществлять одновременно с его переводом.

Одним из основных предметов правоведения является так называемое объективное право. Оно возникло и развивается ввиду потребностей практики. Для целей настоящей статьи эти потребности обобщенно можно определить как постоянно возникающую необходимость оценки общественных отношений, относительно которых возник или может возникнуть спор, на предмет «добра и справедливости». Изменения потребностей практики, с одной стороны, и деятельность ученых и практиков по их удовлетворению, с другой стороны, являются важнейшими составляющими развития права. В основе такого развития должны лежать «идеи права», «справедливость и полезность которых уже признана»². В поисках этих идей народы и их правители часто «заблуждаются». Некоторые «ошибки» очевидны уже для современников и внутри одного народа, но во многих случаях «ошибочность» признания справедливым и полезным определенного отношения можно обнаружить лишь в сравнении с аналогичными поисками других народов. Ввиду этого ни один народ не должен ограничиваться поисками и сравнениями «добра и справедливости» только в национальных рамках. «Идеи права», как и политические деятели, должны иметь альтернативы. Такими альтернативными идеями могут быть уже варианты или модификации «основной» идеи. Ради поиска альтернативных «идей права», их вариантов и модификаций необходимо изучать идеи, признанные, применяемые и обсуждаемые в других, в том числе ныне умерших, народах. Опыт последних особо ценен, поскольку смерть народа придает более объективный характер поискам «полезности» идей права: объективно «неполезными» являются такие идеи права, которые привели к гибели народа или способствовали этой гибели.

Для правильной интерпретации кроме самого факта признания идеи права справедливой и полезной необходимо учитывать: 1) социально-

¹ Поляков А. В. Язык нормотворчества и вопросы юридической техники // Поляков А. В. Коммуникативное правопонимание: избранные труды. СПб., 2014. С. 376, 379.

² Гамбаров Ю. С. Курс гражданского права. Т. 1. Часть общая. СПб., 1911. С. 152 (цит. по: Медведев Д. А. Новый Гражданский кодекс Российской Федерации: вопросы кодификации // Кодификация российского частного права / под ред. Д. А. Медведева. М., 2008. С. 34).

экономические и политические обстоятельства, а также научную и общественную дискуссию, которые предшествовали этому признанию; 2) последующие изменения в праве, судебной практике и в научных воззрениях; 3) современные условия, современную судебную практику и современную научную дискуссию по тому же предмету, а также по смежным предметам (если соответствующий народ продолжает жить). Предпосылкой же такого рода работы с иностранными источниками³ в большинстве случаев является их адекватный перевод. С. В. Ткаченко делает применительно к этому аспекту несколько важных замечаний, непосредственно касающихся историко-правовых исследований, применимых в значительной мере к *любой* интерпретации правовых текстов, осложненной тем, что можно назвать переводческим элементом: «Историко-правовое исследование должно основываться на источниках, изданных по всем правилам филологической науки. Сам перевод исторического правового документа должен быть технически точным, насколько это возможно в современных условиях. В противном случае, результат перевода рассматривается как фантазия переводчика»⁴. Если принять во внимание объемы правовых заимствований, то расширение сферы действия этого суждения подводит нас к проблеме, которая по своему философскому и теоретическому значению сопоставима с известным тезисом И. Н. Грязина: «Право есть миф»⁵. Если перевод рецепируемого правового текста окажется недостаточно адекватным, то рецепирующая сторона рискует получить в качестве прообраза для своего права фантазию переводчика. В этом случае право уже не может считаться феноменом культуры, который, по мнению И. Н. Грязина, структурно есть миф⁶. Следуя закону Мерфи, согласно которому ошибки одного человека — это данные для другого⁷, право в этом случае оказывается (не только структурно) фантазией.

Если говорить о деятельности по переводу текстов вообще, то в наши дни мало кто сомневается, что ей занимаются в основном филологи, и, соответственно, именно филологическая наука имеет первостепенное значение для этой деятельности. Филологи — исследователи переводческой деятельности выделяют в своей науке различные подотрасли, например, историю перевода, общую теорию перевода, различные методы перевода, различные виды перевода, теорию и практику перевода с различных

³ Под источниками мы понимаем здесь прежде всего вербальные правовые тексты нормативного и научного характера, а также тексты судебных решений. Наше понимание невербальных правовых текстов см. в: Будилов В. М. Невербальные правовые тексты и невербальная правовая коммуникация: к дискуссии о понятии правовой действительности // Коммуникативная теория права и современные проблемы юриспруденции. К 60-летию Андрея Васильевича Полякова: коллективная монография: в 2 т. Т. 1. Коммуникативная теория права в исследованиях отечественных и зарубежных ученых / под ред. М. В. Антонова, И. Л. Честнова. СПб., 2014. С. 302–335.

⁴ Ткаченко С. В. Рецепция римского права: вопросы теории и истории: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. URL: <http://www.allpravo.ru/library/doc108p/instrum6674/> (дата обращения: 16.04.2009).

⁵ Грязин И. Н. Право есть миф // Правоведение. 2011. № 5. С. 72–95.

⁶ Там же. С. 86.

⁷ Там же. С. 87.

языков. Этот ряд дополняется такой подотраслью, как теория и практика переводов различных текстов. К числу наиболее сложных филологи относят правовые тексты. Эти сложности, а также специфика так называемого юридического языка побудили филологов в конце XX в. выделить в *своей* науке особую дисциплину: юридическую лингвистику.

В тот же исторический период правоведа также стали проявлять повышенный интерес к проблемам перевода правовых текстов. Относительно этого изменения влиятельный итальянский специалист по сравнительному правоведению Р. Сакко сделал два вывода.

Исторически *проспективно* Р. Сакко полагает, что «в ближайшие 20 лет проблемы перевода станут наиболее обещающей главой сравнительного правоведения и откроют важнейшие пути юридической эпистемологии и реформе юридического языка»⁸. Соглашаясь в целом с этим предположением, нам хотелось бы выразить надежду на то, что ближайшие десятилетия знаменуются не столько проблемами перевода правовых текстов, сколько их преодолением. Поиска средств этого преодоления касается второй вывод итальянского правоведа.

Исторически *ретроспективно* Р. Сакко заключил, что систематическое изучение проблем, которые ставит юридический перевод, началось лишь относительно недавно⁹. Опровержение этого суждения само по себе не является главной целью нашего исследования. Однако если исходить из исторического ориентира, данного Р. Сакко, то возникает ложное представление о том, что для решения проблем переводов правовых текстов наибольшей ценностью обладают лишь результаты недавних исследований. С нашей же точки зрения правоведа и философы прошлого, осуществлявшие разного рода филологическую обработку правовых текстов, в том числе их переводы, накопили достаточно большой и ценный опыт, который требует теоретико-правового исследования. Этот опыт во многом согласуется с результатами новейших исследований проблем переводов правовых текстов и дополняет их.

Следует в принципе согласиться с еще одним выводом Р. Сакко, к которому мы добавим несколько примечаний: «Проблема юридического перевода не привлекает внимания юриста, который относится к народу, считающему себя (нередко без достаточных оснований. — В. Б.) самодостаточным с культурной точки зрения. (Следуя этому убеждению. — В. Б.) Он думает, что не нуждается в идеях, выражаемых не на его языке»¹⁰. Такого рода самоуверенность часто обосновывается специфическими в каждом случае видами «праведности», «избранности», «духовности», «чистоты», причастности к «европейским», «цивилизационным», «демократическим» и иным абстрактным категориям ценностей. При этом, во-первых, тщательные исследования этих оснований часто доказывают правоту утверж-

⁸ Сакко Р. Истинные и ложные проблемы сравнительного права // Ежегодник гражданского права. Вып. IV (2007–2009) / под ред. Б. Л. Хаскельберга, Д. О. Тузова. Томск, 2010. С. 339.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

дения М. ван Хука о том, что все правовые культуры в мире так или иначе, в той или иной степени содержат элементы других правовых культур, и, как следствие, «чистых» правовых культур не осталось¹¹. Во-вторых, пагубные последствия убежденности в вечности своей самодостаточности, а также часто связанной с ней политики культурной, философской и правовой самоизоляции, т. е. отвержения международной (в прямом смысле) правовой коммуникации, подтверждаются многочисленными примерами в истории различных народов. В-третьих, часто менее очевидны, но также многочисленны примеры пагубных последствий отсутствия понимания или взаимопонимания при осуществлении такой коммуникации. Среди помех сравнительно-правовых исследований и международной правовой коммуникации в целом не последнее место занимают искажения, возникающие при переводах правовых текстов.

2. Общие замечания о влиянии переводов на возникновение и развитие российского права и правоповедения

От переводов правовых текстов часто зависят конкретные субъективные права, а также развитие права и законодательства. Для этого развития большое значение имеет не только обычный для любого перевода вопрос о качестве перевода, т. е. насколько хорошо сделан перевод, но и вопросы о том, что переводить; какой правовой текст избран для перевода; какой народ, какая правовая культура избрана в качестве субъекта международной правовой коммуникации.

В российской истории множество раз предпринимались попытки как сознательного недопущения, ограничения или сворачивания международной философской и правовой коммуникации, так и ее расширения и поощрения. Российская правовая действительность и прежде всего важнейшие элементы ее онтологической основы — русский язык, русский народ, российское государство — возникли, развивались и трансформировались в тесной связи с переводами правовых текстов. В новейшей литературе к этому выводу подводит исследование Е. В. Тимошиной. Она, в частности, справедливо связывает возникновение русской философии права с Крещением Руси в конце X в., которое стало для России важнейшим культурообразующим фактором¹², а также с переводческой деятельностью Мефодия и Кирилла. Е. В. Тимошина пишет: «Во многом благо-

¹¹ Ван Хук М. Европейские правовые культуры в контексте глобализации. В честь Андрея Полякова // Коммуникативная теория права и современные проблемы юриспруденции. К 60-летию Андрея Васильевича Полякова: коллективная монография: в 2 т. Т. 2. Актуальные проблемы философии права и юридической науки в связи с коммуникативной теорией права / под ред. М. В. Антонова, И. Л. Честнова. СПб., 2014. С. 12.

¹² Тимошина Е. В. История русской философии права: эпоха Средневековья: учеб. пособие. СПб., 2014. С. 15. — Религиозное, культурное и политическое взаимодействие и конфликты христианизированного русского народа (его философии права и его культуры) с дохристианскими славянскими, христианскими неславянскими и нехристианскими учениями и культурами проходят по всей истории России. Эти процессы также были связаны с переводами (коротко см. об этом ниже), однако подробное рассмотрение

даря апостольской миссии славянских первоучителей Мефодия и Кирилла, создавших азбуку и положивших начало перевода Библии на общепонятный славянский язык, христианство получило распространение во всем контексте древнерусской культуры»¹³.

Из дальнейшего рассуждения Е. В. Тимошиной, следуя коммуникативной теории права, можно сделать вывод о двух важнейших национально-культурных последствиях Крещения Руси. *Первое* последствие заключается в том, что «под влиянием кирилло-мефодиевской традиции» возник сложносоставной субъект международной правовой коммуникации — «метасистема духовной культуры, охватившая южных и восточных славян и близкие им народы на основе одной православной религии»¹⁴. Одним из важнейших элементов этой метасистемы (которая, исходя из предложенного описания, близка к статусу субъекта культурно-исторической коммуникации) стала «русская философско-правовая традиция»¹⁵. *Вторым* последствием стал выбор (наднационального) «языка» международной философской, философско-правовой и правовой (в более узком смысле) коммуникации. Избрание этого «языка», или, как верно указывает Е. В. Тимошина, общего для всех мыслителей Средневековья типа мышления, создало возможность диалога с философией христианского Запада; кроме того, «Русь получила возможность приобщиться к уже христианизированному наследию античной культуры»¹⁶. Если учесть принятие этого общего «языка», а также названные приобщение и диалог (который не прекращается до сих пор), то становится понятным значение переводов философских, философско-правовых и правовых (в более узком смысле) текстов для возникновения и развития российской правовой действительности. Даже (и в особенности) разработке новых концепций национального сознания и государства в XVII–XVIII вв. предшествовала длительная философская подготовка, сопровождавшаяся многочисленными переводами с иностранных языков философской литературы¹⁷. В. В. Зеньковский, который уделил большое внимание исследованию этого вопроса на Западе и в России, сделал два знаменательных вывода. Применительно к предмету нашего исследования изложению этих выводов можно дать общее название: *преимущества и риски для правотворчества, которые приобретаются посредством переводов правовых текстов.*

Первый вывод В. В. Зеньковского касается одного из источников философского творчества Запада: «Запад... осознавал себя наследником античной философии, связанным с ней живыми нитями, — особенно благодаря тому, что латинский язык был языком Церкви. Это давало в распоря-

этой стороны культурного развития России выходит за пределы исследуемого нами предмета.

¹³ Там же. С. 15–16.

¹⁴ Громов М. Н., Мильков В. В. Идеиные течения древнерусской мысли. СПб., 2001. С. 103–104 (цит. по: Тимошина Е. В. История русской философии права... С. 16).

¹⁵ Тимошина Е. В. История русской философии права... С. 16.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Зеньковский В. В. История русской философии: в 2 т. Ростов н/Д, 2004. Т. 1. С. 64–68.

жение раннего средневековья готовую философскую терминологию (хотя, с другой стороны, эта терминология часто служила источником философских блужданий)»¹⁸.

Второй вывод касается специфики *амбивалентности заимствований для философского творчества* в России: сопровождавшееся усиленной переводческой деятельностью усердное «ученичество» у Запада, сохраняющееся у русских людей до настоящего времени, имело как положительное, так и отрицательное значение¹⁹. В. В. Зеньковский пишет в связи с этим: «С одной стороны, приобщаясь к философской культуре Запада, русские люди как бы сокращали для себя путь собственного восхождения на высоты философской мысли... но в философии собственное творчество было все же очень стеснено в России именно тем, что находили русские люди на Западе. Целые поколения попадали в плен Западу, в страстное и горячее следование его созданиям и исканиям»²⁰. В. В. Зеньковский говорит здесь о проблемах русского философского творчества в XVII — начале XIX в. Основными специфическими чертами русской философии он считает ее онтологизм, антропоцентризм и историсофизм. Из характеристики же этих понятий самим В. В. Зеньковским²¹ следует, что значительную часть (в особенности русской) философии образуют сферы, которые составляют основу философии права. Это означает, что приведенные выводы в полной мере относятся к философии права. Сверх этого в истории российского права и правоведения имеется множество подтверждений того, что *приведенные выводы В. В. Зеньковского в значительной мере применимы также к развитию и нынешнему состоянию российского права и российского правоведения. Преодоление в российском праве и правоведении их специфических проблем, общий круг которых обозначен нами с опорой на исследование В. В. Зеньковского, — актуальная задача современных российских правоведов.* Настоящая статья является попыткой внести сильный вклад в решение этих проблем.

Рассмотрение этих проблем необходимо начать с замечания о том, что переводы иностранного законодательства, философско-правовых и иных правовых текстов научного характера сыграли значительную роль при возникновении российского правоведения (как академической науки) в конце XVIII — первой половине XIX в. Переводы правовых текстов имели существенное влияние на развитие российского правоведения, в особенности общей теории права и цивилистики, в эпоху до начала 1930-х гг.

Катастрофические последствия для российского государства и права имели перевод на русский язык и распространение в России во второй половине XIX — начале XX в. произведений К. Маркса и Ф. Энгельса. В советский период словесному и историческому толкованию, как и толкованию права в целом, по идеологическим и философско-правовым причинам были установлены узкие границы, что всегда характерно для этатистского

¹⁸ Там же. С. 14 (курсив наш).

¹⁹ Там же. С. 15, 24–25.

²⁰ Там же. С. 15 (курсив наш).

²¹ Там же. С. 15–20.

типа правопонимания²². Те же причины привели к тому, что в советскую эпоху резко снизилось внимание российских правоведов к переводам иностранных правовых текстов. Напротив, с начала и еще больше с середины 1980-х гг. и в начале 1990-х гг. резко повышается интерес к иностранному праву. В этот период все чаще можно было встретить переводы отрывков и полных текстов иностранного законодательства, а также новые переводы трудов иностранных правоведов. Однако качество переводов часто оставляло желать лучшего. Причинами этого были частое отсутствие необходимой филологической компетентности у юристов или отсутствие необходимой правовой компетентности у филологов и других специалистов, осуществлявших переводы, либо небрежность, отсутствие осознания правовых последствий искажения смысла переводимого текста.

На основании нашего исследовательского и переводческого опыта применительно к российской и немецкой правовой действительности мы полностью признаём верность утверждения Р. Сакко, касающегося переводов правовых текстов вообще: «За два последних столетия слишком многие слова, едва родившись, были переведены в полной анархии. Сбой уже произошел»²³. Согласны мы и с предложениями знаменитого итальянского правоведа: «К уже имеющимся сбоям не должны добавляться сбои будущего, превосходящие первые по количеству и важности»²⁴. Отвечая на этот призыв, мы посредством этой статьи также стремимся к тому, чтобы создать теоретическую и методологическую основу устранения прошлых переводческих сбоев и их предотвращения в будущем.

3. «Филологический поворот» в правоведении и философские аспекты перевода

Современной эпохе присущи значительные изменения подлежащих правовому регулированию отношений, законодательства, понятийной и терминологической систем права: словесная оболочка права испытывает

²² Подробнее см.: *Поляков А. В.* Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода. М., 2016. С. 80–82. — Приведенная нами выше модификация вывода Р. Сакко относительно народа, высокомерно считающего себя самодостаточным с культурной точки зрения, в значительной мере применима к названной эпохе. В Советском Союзе эта убежденность в самодостаточности основывалась в конечном счете на классовой теории К. Маркса, из которой было выведено учение об особом типе права — социалистическом. Пагубные последствия этого высокомерия для самого Советского Союза общеизвестны. Однако необходимо признать, что ввиду влияния Советского Союза деятельность по переводу (с русского языка) правовых текстов той эпохи (до 1991 г.) интенсивно велась в республиках Советского Союза и так называемых социалистических странах.

²³ *Сакко Р.* Истинные и ложные проблемы сравнительного права. С. 371.

²⁴ Там же. — Свое исследование Р. Сакко завершает предложением контролировать создание неологизмов по аналогии с той деятельностью, которую ведет Французская академия. Р. Сакко предлагает создать регистр неологизмов. Он пишет: «Проблема понимания правовой данности связана прежде всего с созданием трансграничной понятийной сетки. Но трансграничная понятийная сетка более не будет бояться неологизмов, когда будет известно, что всякий неологизм непосредственно распознаваем в любом языковом контексте» (Там же. С. 370–371).

в наше время огромные перегрузки²⁵. Исследование языковой стороны права начали еще правоведы Древнего мира. Среди правоведов Средних веков и Нового времени наибольших достижений в данной сфере достигли цивилисты. Эти достижения во многом обусловлены их огромным опытом глубокой филологической обработки древнеримских правовых текстов, а также текстов церковного права, которая включала их переводы и толкование.

Новые философские и методологические подходы были разработаны в первой половине XIX в. Ф. К. фон Савиньи. Значение положений его учения, касающихся филологической обработки правовых текстов, настолько велико, что современные правоведы, высоко оценивая этот вклад, называют его «*филологическим поворотом*» в науке права²⁶. Наиболее коротко философскую сущность этого поворота выражает замеченное Савиньи *подобие права определенного народа его языку, а также их неразрывная связь между собой и с прочими элементами культуры этого народа*²⁷.

Для предмета настоящей статьи немаловажно, что, осуществляя этот поворот, Савиньи находился в кругу единомышленников, к которому относились основатель современной герменевтики Ф. Шлейермахер и основатель современной лингвистики В. фон Гумбольдт²⁸. Одно из высказываний последнего, с нашей точки зрения, может быть применено к деятельности по переводу правовых текстов: «Множественность языков вовсе не сводится к множественности обозначений какой-нибудь одной вещи; языки суть не что иное, как разновидности этой самой вещи, и, когда вещь не является объектом внешних значений, зачастую мы имеем дело с таким же количеством вещей, которые каждое значение облекает в свою форму»²⁹. Благодаря этой идее мы можем выявить специфическую *роль переводчика правового текста*³⁰. Он в некотором отношении *подобен создателю*

²⁵ Природа понятия перегрузки словесной оболочки права в целом близка природе использованного В. А. Бачининым понятия «семантической “перегрузки” отдельных юридических артефактов» (*Бачинин В. А. История философии и социологии права. СПб., 2001. С. 17–18*) (соответствующее высказывание В. А. Бачинина будет приведено ниже). Понятие «юридический артефакт», являясь как раз неологизмом, само по себе представляется нам спорным: теория права обладает более определенными и практически ценными понятиями.

²⁶ *Жуанжан О. «Филологический поворот» в науке права: история и метафизика в работах Савиньи // Правоведение. 2011. № 4. С. 221–235.*

²⁷ *Савиньи Ф. К. фон. О призвании нашего времени к законодательству и юриспруденции // Савиньи Ф. К. фон. Система современного римского права. Т. 1 / пер. с нем. Г. Жигулина; под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. М., 2011. С. 131–133.*

²⁸ *Ф. Шлейермахер и В. фон Гумбольдт большое внимание уделяли теории перевода и много занимались переводческой деятельностью. Подробнее см., напр.: Берман А. Испытание чужим: культура и перевод в романтической Германии // Логос. 2011. № 5–6. С. 92–108.*

²⁹ *Humboldt W. von. Fragment de monographie sur les Basques (1822) (цит. по: Кассен Б. В защиту непереводаемости. Беседа с Микаэлем Устинофф // Логос. 2011. № 5–6. С. 4).*

³⁰ Как указывалось выше, в роли переводчика правовых текстов выступают и лингвисты, и юристы различных специализаций и сфер деятельности. О компетенциях, не-

«вещи», т. е. отчасти судье или законодателю³¹ — все они причастны к овеществлению (реификации) субъективных прав или объективного права; в результате их деятельности появляется возможность обращаться с соответствующим правом в определенном смысле как с вещью (например, пользоваться, передать, «заимствовать», потерять и т. п.)³². Идея В. фон Гумбольдта дает ключ к верному пониманию философско-правовой проблемы соотношения формы и содержания в праве: *словесная оболочка права обладает высокими степенями активности и самостоятельности. Эти свойства часто порождают иллюзию «всемогущества» словесной оболочки.* Однако даже нормативно-правовые акты (т. е., исходя из предмета настоящей статьи, письменные вербальные правовые тексты нормативного характера), формально обладающие высшей юридической силой, нередко являются (уже при их возникновении) или становятся (например, при изменении общественного «контекста») пустыми формами. Всякая такая форма каждый раз вновь доказывает относительную независимость «содержания» права от его словесной оболочки, т. е. от его вербально-текстуальной формы³³.

Б. Кассен из приведенного положения В. фон Гумбольдта выводит пессимистический тезис: «Языки не взаимозаменяемы»³⁴. Развитие Б. Кассен этого тезиса позволяет обнаружить философско-лингвистический аспект предмета нашего исследования: можно ли добиться эквивалентности или адекватности при переводе правовых текстов? Этот провокационный вопрос нуждается в конструктивном разрешении. Нахождение такого разрешения — одна из целей настоящей статьи. Исходный пункт этого поиска примыкает к приведенной идее В. фон Гумбольдта. Правовой текст на одном языке, содержанием которого является правовая норма, описание определенного правоотношения, соответствующих жизненных обстоятельств и т. п., и перевод этого текста на другой язык, как правило, не обладают математической тождественностью. Благодаря этому положению для общей теории права можно сделать следующий вывод: *даже если имеет*

необходимых для осуществления переводов правовых текстов, см. ниже.

³¹ Этот аспект тесно связан с проблемой оценки деятельности переводчика как автора. См. об этом ниже.

³² Этот тезис восходит к описываемому С. А. Муромцевым знаменательному повороту в развитии римского права и всего правоведения, который можно назвать «конкретизация идеального — овеществление субъективного права»: «Отношение и, стало быть, право не есть какой-либо конкретный предмет, который можно было бы передавать из рук в руки. Смотря на дело реально, древние юристы не знали *передачи* права. Манципация и цессия в квинитском праве представлялись как односторонние акты захвата: прежний собственник отказывался открыто или молча от своего права, а новый устанавливал на вещь свое самостоятельное право... Понятие *передачи* права и вместе с тем *преемства* в правах (*successio*) возникло, по-видимому, в практике традиции (как одного из способов приобретения вещного права. — В. Б.) и распространилось в практику манципации и цессии; постепенно и незаметно изменилось прежнее воззрение на эти акты и заменилось новым» (Муромцев С. А. Гражданское право Древнего Рима. М., 2003. С. 615).

³³ Яркие примеры расхождения содержания и формы часто дают конфликты, возникающие при попытках реализации так называемых прав человека.

³⁴ Кассен Б. В защиту непереводимости... С. 4.

место системное, функциональное и терминологическое подобие правового института³⁵ определенной системы права правовому институту другой системы права, это еще не означает, что данные институты тождественны. В этом смысле даже системно, функционально и терминологически подобные элементы различных систем права, строго говоря, чисто механически не взаимозаменяемы. Эквивалентный перевод многих правовых текстов является невозможным. Относительно таких текстов целесообразно ставить более реалистичную задачу нахождения адекватного перевода³⁶.

Замена одного элемента одной системы права другим или внедрение всякого нового элемента чужой системы права, помимо системных (в узком смысле), функциональных и терминологических аспектов, требует обширного исследования также и прочих аспектов. Эти аспекты позволяют обнаружить разработанное Савиньи историко-органическое правопонимание, методология которого, соответственно, акцентирует внимание на исторической и органической сторонах права³⁷.

Другая «болезненная» проблема обнаружена современными исследователями философии переводческой деятельности также благодаря идеям В. фон Гумбольдта во взаимодействии с теорией перевода Шлейермахера.

В. фон Гумбольдт выявил «вечную» дилемму переводческой деятельности: «Всякому переводчику никак не избежать столкновения с одним из двух подводных камней: он будет с излишней точностью придерживаться либо оригинала, в ущерб вкусу и языку своего народа, либо оригинальности своего народа, в ущерб произведению, подлежащему переводу»³⁸.

Развивая этот тезис, А. Берман акцентирует внимание на специфической служебной роли перевода. Прежде всего, он приводит метафору Франца Розенцвейга: «Переводить — значит служить двум господам»³⁹. А. Берман поясняет: «Служить произведению, автору, иностранному языку (первый господин)⁴⁰ — и служить читателю и родному языку (второй господин)». Вытекающая из этого положения драма переводчика, по мнению А. Бермана заключается в следующем. С одной стороны, служение пере-

³⁵ Терминологическое подобие правовых институтов соответствующих правовых систем часто имеет место тогда, когда система права, на язык которой переводится правовой текст, при своем формировании испытала значительное влияние системы права, к которой относится правовой текст на исходном языке. При влиянии одной системы права на другую, как правило, происходит влияние также и соответствующей терминологической системы. О терминологической системе российского права кратко см. ниже.

³⁶ Примеры и методы совершенствования переводов правовых текстов будут рассмотрены ниже.

³⁷ Об историко-органическом правопонимании подробнее см.: Тимошина Е. В. Политико-правовая идеология русского пореформенного консерватизма: К. П. Победоносцев. СПб., 2000. С. 30–58. — Что же касается значения этого правопонимания для теории и практики переводов правовых текстов, то в ходе работы над настоящей статьей мы пытались рассматривать эти предметы именно с точки зрения данного правопонимания.

³⁸ Гумбольдт В. фон. Письмо к Шлегелю, 23 июля 1796 г. (цит. по: Берман А. Испытание чужим... С. 92).

³⁹ Цит. по: Там же. С. 95.

⁴⁰ Эту деятельность Шлейермахер назвал «приведение читателя к автору» (Там же).

водчика исключительно автору посредством введения переводимого произведения во всей чуждости в свое культурное пространство, может породить риск оказаться «чужим среди своих, предателем» по отношению ко второму господину, а также риск создания «практически нечитаемого текста»⁴¹. С другой стороны, если переводчик удовлетворится обычной «адаптацией иноязычного произведения»⁴², «он, безусловно, удовлетворит наиболее непритязательную часть публики, но непоправимо предаст иноязычное произведение, а с ним и самую суть перевода»⁴³.

Эти положения общей теории перевода применимы, естественно, и к переводам правовых текстов. Переводчик правового текста должен осознавать эти проблемы; осознавать, что *во многих случаях полного тождества достичь невозможно*; а также осознавать свою ответственность перед обоими «господами» и в случае необходимости, не «предавая» первого «господина», прибегать к вспомогательным средствам (комментариям, примечаниям и т. п.), позволяющим «верно» служить второму «господину»⁴⁴. С точки зрения теории права, в конечном счете, интересы этого «господина» должны иметь приоритет. Введение же переводимого правового текста в систему права и в правовую систему «второго господина» «во всей чуждости» в строгом смысле недопустимо. *Если правовой текст действительно «чужд», например, если он происходит из иной правовой семьи или иного правопонимания, то необходима его глубокая «адаптация», которая порой требует объяснения философско- и теоретико-правовых различий систем права, правовых систем или всей системы соответствующего правопонимания, скрывающихся за словесной оболочкой (планом выражения) определенного текста.*

Философско-лингвистическая метафора «переводить — значит служить двум господам» во взаимодействии с «филологическим поворотом» правоведения позволяет обнаружить комплекс проблем, тесно связанных с переводами правовых текстов. Центральную часть этого комплекса образуют этические и аналитические проблемы⁴⁵.

Перевод многих правовых текстов близок к простой «передаче сообщения»,⁴⁶ т. е. преимущественно служебной и частной коммуникации. Узкая (частная) сфера и часто лишь разовое применение, а также высокие возможности «технической», почти «механической», а иногда даже в буквальном смысле машинной верификации такого рода переводов приводят к тому, что вопросы об этических оценках деятельности переводчика и результатах его труда возникают достаточно редко. Иначе обстоит дело, когда перевод явно выходит за рамки служебной и частной коммуникации. Переводы многих правовых текстов функционируют в качестве средств публичной коммуникации с позитивным или негативным интересом. Позитив-

⁴¹ Там же.

⁴² Эту деятельность Шлейермахер назвал «приведение автора к читателю» (Там же).

⁴³ Там же. С. 96–97.

⁴⁴ Подробнее см. ниже.

⁴⁵ О чисто филологической стороне подробнее см.: Там же. С. 97–99.

⁴⁶ Там же. С. 97.

тивным интерес является тогда, когда переводчик в одном лице или в операции, например, со своим заказчиком, представляет систему права, из которой происходит переводимый текст, или определенную правовую концепцию, идею, философию, теорию права и т. п., и стремится внедрить их в ткань права народа-реципиента посредством законодательных, исполнительных, судебных органов, науки или воздействуя на правовую идеологию и правовую психологию через СМИ. Строго говоря, в данном случае имеет место двоякая коммуникация: 1) между правовыми системами и 2) между двумя языковыми системами (т. е. филологическая, служебная по отношению к первой). С учетом этого различия, роль переводчика с позитивным интересом может совпадать с ролью слуги «первого господина», но не обязательно влечет за собой одновременное исполнение обеих ролей⁴⁷.

Мотив или комбинация мотивов коммуникатора между правовыми системами бывают разнообразными: от чистого поиска истины, альтруистического желания послужить правовой системе принимающей стороны (народа-реципиента) и поиска истины, поддержанного материально (например, посредством целевого гранта), — до банальной чисто имущественной мотивации. Последний вид мотива не исключает сочетания с желанием послужить народу-реципиенту, но нередки и иные мотивы, в том числе те, которые пагубны для народа-реципиента и его правовой системы, например, лоббирование интересов определенных иностранных инвесторов или интересов определенных национальных предпринимателей (в частности, пресловутая проблема правовой оценки офшоров). Существенным (часто исходным) элементом такого рода «интервенций», «трансферов» или «вбросов» в систему права или в правовую систему народа-реципиента часто оказываются переводы соответствующих иностранных правовых текстов. Это негативное явление непосредственно соприкасается с аналитикой перевода.

Рассматриваемые «интервенции» затрагивают прежде всего две сферы: сферу права и сферу языка⁴⁸. Соответственно в обеих сферах они часто встречают сопротивление. В сфере права это сопротивление может целенаправленно осуществляться или даже неосознанно происходить на законодательном, судебном и научном фронте, а также на уровне обычая, правосознания и правовой культуры. В последних трех случаях юристы часто говорят, что практика (или практики) не принимают, отторгают или

⁴⁷ Переводчик с негативным интересом теми же средствами стремится к противоположным целям. Полное совпадение результатов деятельности переводчиков с позитивным и негативным интересом встречается редко. Теоретически оно возможно, если переводчик совершенно абстрагируется от коммуникации между правовыми системами. Однако в этом случае велик риск несовершенства результата, поскольку, если исключить случаи «простой передачи» сообщения, совершенный перевод как раз требует учета коммуникации между правовыми системами. Наш опыт многократно показал, что результаты переводов с позитивным интересом в целом лучше, чем результаты переводов с негативным интересом.

⁴⁸ Часто затрагиваются и другие сферы, например экономики и культуры (в узком смысле слова).

отвергают соответствующую новацию или намерение ее осуществления. Закономерности действия рассматриваемых «интервенций» и сопротивление им в сфере права и правовой культуры во многом подобны тому же противоборству в сфере языка и культуры.

А. Берман, исследовав аналитические проблемы перевода вообще, пришел к следующим выводам: «Сопротивление культуры порождает систему деформаций, действующую на лингвистическом и литературном уровне и накладывающую на переводчика ограничения независимо от того, хочет ли он того или нет, знает ли он об этом или нет. Обратимая диалектика верности и предательства присутствует в положении переводчика, придавая двойной смысл даже его позиции пишущего... В психологическом плане положение переводчика двойственно. Он стремится атаковать с двух сторон, принуждая свой язык пропитаться чужестыю, принуждая другой язык перенести себя в его родной язык»⁴⁹.

Непосредственно эти выводы ценны для познания деятельности по переводу правовых текстов. Косвенно же, при посредстве «филологического поворота» в правоведении, эти выводы применимы и к сфере права. Сверх того, *процессы «пропитывания чужестыю» и сопротивление им, как сами по себе, так и в их непосредственном противодействии в рамках культуры (в широком смысле слова) на правовом уровне, т. е. для системы права-реципиента, имеют большее значение, чем на уровне лингвистическом. То, что на лингвистическом уровне является лишь введением одного нового термина, на правовом уровне может привести и часто приводит к фундаментальной трансформации целой отрасли или всей системы права.* В то же время существуют интервенции на лингвистическом уровне, которым система права активно (на законодательном, судебном и научном уровне, а также в СМИ) или пассивно (например, путем полного игнорирования) сопротивляется, что еще раз подтверждает относительную независимость права от его словесной оболочки.

С проблемой переводимости правовых текстов тесно связана практическая проблема применимости переведенных текстов в разных правовых культурах, на которую обращает внимание Р. Сакко: «Перевод законодательных текстов может вызвать неодинаковое их применение в различных языковых областях... Женевские конвенции о векселе и чеках, заключенные с целью создания единообразного права, открыли путь тому, что практика их применения в разных национальных правопорядках разнится одна с другой настолько, что это вызывает разочарование»⁵⁰. Научно обоснованная методология не может полностью обезопасить от ошибок при переводе правовых текстов; еще менее может такая методология обеспечить единообразное применение по идее одного и того же правового текста в правовых культурах, основывающихся на разных языках. Однако без научно обоснованной методологии об удовлетворительных результатах перевода правовых текстов, международной правовой коммуникации и ответственном правоприменении вообще говорить не приходится.

⁴⁹ Берман А. Испытание чужим. С. 97–98.

⁵⁰ Сакко Р. Истинные и ложные проблемы сравнительного права. С. 340.

4. О понятии и структуре деятельности по переводу правовых текстов: методологические и практические аспекты

Определение понятия «деятельность по переводу правового текста» имеет некоторые трудности. Одна из них заключается в разграничении понятий «перевод правового текста» и «юридический перевод». Они не тождественны. Деятельность, называемая юридическим переводом, включает два вида деятельности по переводу с одного национального языка на другой. Первый — деятельность по переводу правовых текстов в узком смысле слова. Эта деятельность состоит из письменно-письменных и письменно-устных переводов. Второй — деятельность по переводу устных высказываний, касающихся объективного права, субъективных прав или юридических фактов. Эта деятельность состоит из устно-устных и устно-письменных переводов⁵¹. Личный опыт убеждает в том, что весьма сложно найти специалистов по юридическому переводу, которые проявляли бы совершенство в обеих названных сферах. Специфика второго вида деятельности, образующей понятие юридического перевода, заключается в ее синхронности. Из-за этого осложняющего фактора часто страдает точность перевода. Высокая цена возможных ошибок и необходимость снижения большой вероятности дефектов устного перевода в правовой сфере заставляет рассматривать этот вид деятельности как вспомогательный. Основным же видом переводов в правовой сфере является именно перевод письменных правовых текстов. Ввиду этого во многих случаях в правовой сфере целесообразно переводимую устную речь превращать в письменный текст посредством всевозможных протоколов. В сфере гражданского права рассмотренные положения теоретически близки к учению о форме сделок.

Другая трудность определения понятия «перевод правового текста» связана с тем, что это понятие имеет собирательный характер. Формально и непосредственно данное свойство понятия «правовой текст» образует трудность именно его определения. Однако фактически и косвенно эта трудность сказывается также и при определении понятия «перевод правового текста».

Исходным пунктом определения понятия перевода правового текста должно быть рассмотрение деятельности перевода. Один из первых итогов этого рассмотрения заключается в выявлении *функционального и структурного родства деятельности по переводу текстов и толкования права*.

Еще в середине XIX в. в ходе создания юридической герменевтики как самостоятельной научной дисциплины Й. Ланг установил, что, с точки зрения герменевтики, искусство перевода является вспомогательным средством толкования⁵². Для понимания этого положения необходимо учи-

⁵¹ Подробнее см.: Сдобников В. В., Петрова О. В. Теория перевода. М., 2008. С. 98–103.

⁵² Lang J. J. Beiträge zur Hermeneutik des Römischen Rechts. Stuttgart, 1857. S. 14. — В этом труде о герменевтике римского права Й. Ланг посвятил один из пунктов соотношению толкования и перевода (ibid. S. 12–14).

тивать, что предметом произведения Й. Ланга является не герменевтика вообще, а герменевтика римского права. Соответственно, «перевод» и «толкование» означают в этом положении прежде всего перевод и толкование римского права. Кроме того, приведенное положение является общим. Его необходимо рассматривать в единстве со специальными положениями, сформулированными Й. Лангом в другом разделе его монографии. Здесь рассматриваются средства исследования специальных терминов римского права. Одним из этих средств являются «старые переводы», т. е. переводы древнеримских правовых текстов прежних эпох, а также «парафразы на других языках», в особенности «парафразы институций Теофила для институций Гая и Юстиниана, Базилики для Дигест и Кодекса»⁵³.

Подобия названных вспомогательных средств порой могут быть найдены и для толкования современного права. Однако полные функциональные аналоги относительно редки. Отчасти ввиду этого на основании рассмотрения деятельности по толкованию и переводу правовых текстов можно утверждать, что *не только перевод является вспомогательным средством при толковании, но и толкование во многих случаях является вспомогательным средством при переводе*. Кроме того, методология перевода и методология толкования права имеют между собой много общего, поскольку основываются, в частности, на филологической герменевтике. Согласно справедливому утверждению Е. В. Васьковского, при толковании законов, помимо прочего, «должны быть соблюдаемы правила, необходимые для понимания всякого иного литературного произведения»⁵⁴.

Верно не только то, что методология перевода близка методологии толкования, и не только то, что при всяком переводе осуществляется толкование. Опираясь на мнение основоположников герменевтики, можно утверждать, что *всякое толкование является своеобразным переводом*⁵⁵. Дискуссионный характер понятий перевода, толкования и критики, их тесное переплетение, а также модальный и нелинейный характер их взаимоотношений делают логически допустимым также утверждение А. Бермана: «Перевод — это своего рода форма критики»⁵⁶. К этому заключению

⁵³ Ibid. S. 100–101.

⁵⁴ Васьковский Е. В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. М., 2002. С. 60.

⁵⁵ В. фон Гумбольдт утверждал, что речь, произнесенную другим, нельзя трактовать как некий материальный предмет, который мы лишь воспринимаем; речь можно понять только как наделенный формой источник импульса, побуждающий нашу проникаемость осуществить *обратный перевод* воспринятого, заново конструировать его смысл изнутри, чтобы в некоем формообразующем движении — с помощью наших мыслительных категорий — вновь дать выражение ходу мысли, представляемому в сказанном слове (приводится по: Бетти Э. Герменевтика как общая методология наук о духе / пер. с нем. Е. В. Борисов. М., 2011. С. 21–22). Философское родство с этим определением имеет характеристика толкования, данная Савиньи, как деятельности, противоположной законодательной деятельности, поскольку толкование «воспринимает и определенным образом познает право, которое возникло независимо от него» (Savigny F. C. von. System des heutigen römischen Rechts. Band 1. Berlin, 1840. S. 206–207; несколько иначе: Савиньи Ф. К. фон. Система современного римского права. Т. 1. С. 387).

⁵⁶ Берман А. Испытание чужим... С. 99.

А. Берман пришел ввиду того, что *перевод требует выявления «скрытых структур текста»*⁵⁷, под которыми он понимает систему произведения — «одновременно и то, что более всего сопротивляется переводу, и то, что делает его возможным и придает ему смысл»⁵⁸.

Конечной целью юриста-практика при осуществлении толкования норм права является их верное применение. Конечной целью переводчика вообще при осуществлении перевода является создание *текста на переводящем языке* (ПТ), который был бы эквивалентен или по крайней мере адекватен предназначенному для перевода *тексту на исходном языке* (ИТ). Но при этом *промежуточные цели у юриста и переводчика совпадают: и тот, и другой должны понять соответствующий текст, раскрыть его истинный смысл*⁵⁹. Когда же ставится задача перевести правовой текст, то методология перевода неизбежно еще больше должна приближаться к методологии толкования норм права.

Структура методологии перевода правовых текстов подобна структуре методологии толкования правовых текстов: как методология толкования правовых текстов, с одной стороны, имеет специфику, а с другой — общие черты с толкованием любого другого текста, так и перевод правовых текстов имеет специфику и общие черты с переводом любых других текстов. Эти «общие черты», наряду с «общими чертами» переводов устных высказываний, являются предметом изучения общей теории перевода. Они заключаются в общих закономерностях переводческого процесса, в общих факторах, влияющих на него и определяющих его результат⁶⁰. Соотношение общей теории перевода с учением о переводе правовых текстов подобно тому, как общая герменевтика соотносится с учением о толковании правовых текстов. В правоведении практически никто не сомневается в существовании особого междисциплинарного научного направления, предметом которого является толкование законов и иных правовых текстов. Аналогичным образом *не должно быть сомнений в существовании особого междисциплинарного направления, предметом которого являются закономерности деятельности по переводу с одного национального языка на другой письменных правовых текстов и устных высказываний, касающихся объективного права, субъективных прав или юридических фактов. Эту деятельность можно условно назвать юридическим переводом.*

В принципе, результатом перевода любого вербального правового текста должен быть вербальный текст, коммуникативно равноценный оригиналу⁶¹ (по содержанию, структуре и стилистике). Так называемые *рецеп-*

⁵⁷ Там же. — Эту задачу упоминает также А. В. Поляков: задача интерпретатора заключается не только в уяснении и объяснении логического смысла правового текста, но и в понимании его (скрытая информация), которое дается через восприятие той культурной среды, которая «породила» сам текст (*Поляков А. В. Язык нормотворчества...* С. 376).

⁵⁸ Берман А. Испытание чужим... С. 99.

⁵⁹ Ср.: Васьковский Е. В. Цивилистическая методология... С. 60.

⁶⁰ Сдобников В. В., Петрова О. В. Теория перевода. С. 67–72.

⁶¹ Там же. С. 92.

торы перевода правового текста могут воспринимать его как оригинал, если они уверены в высшем качестве перевода⁶². Эта уверенность первоначально может возникнуть, если рецептор доверяет профессиональным и личным качествам переводчика. Однако даже при высшей профессиональной квалификации и безупречных личных качествах переводчика результат его работы почти всегда является только результатом толкования оригинала, т. е. сотворенным им правовым текстом-мнением⁶³. С точки зрения теории авторского права перевод на другой язык является самостоятельным объектом: производным произведением, на которое переводчик, как правило, даже приобретает авторское право⁶⁴.

⁶² С одной стороны, обнаружение даже одной ошибки в переводе может породить сомнение в высшем качестве, т. е. «непогрешимости», всего перевода. А это сомнение может породить сомнение в «непогрешимости» всей работы переводчика. (Приведем характерный пример из истории русской философии по В. В. Зеньковскому: «Хомяков... обучался латинскому языку у некоего аббата *Voivin*, с которым переводил на русский язык папскую буллу... Хомяков заметил опечатку в булле и насмешливо спросил аббата, как он может считать папу непогрешимым, раз он делает ошибки в орфографии» (*Зеньковский В. В.* История русской философии. Т. 1. С. 214).) С другой стороны, если речь не идет об элементарных или стандартных текстах, то «непогрешимых» переводов, вероятно, не существует.

⁶³ Исключением являются тексты, составленные на двух и более языках. Однако часто в таких текстах определяется, что в случае расхождений между текстами текст на одном из языков обладает большей силой, чем остальные. Подобное определение устанавливает иерархическое отношение между текстами: тексты становятся неравноценными, один из текстов превращается в господствующий оригинал, а другие — в подчиненные оригиналы. На практике эти подчиненные оригиналы часто возникают путем перевода текста — господствующего оригинала. Применительно к ситуации с законодательством Р. Сакко справедливо замечает, что толкователь ищет «подлинную волю законодателя» по тексту — господствующему оригиналу (*Сакко Р.* Истинные и ложные проблемы сравнительного права. С. 340). Очень близкими к исключениям можно считать переводы простейших стандартных правовых текстов при наличии однозначных эквивалентных соответствий, главным образом текстов формулярного типа, например документов о гражданском состоянии. В последнем случае наиболее часто обоснованно считать перевод адекватным по содержанию оригиналу. В прочих случаях добиться адекватности тем сложнее, чем сложнее переводимый текст. Соответственно, в этих случаях чаще имеет место лишь эквивалентность различных уровней и видов. Подробнее см.: *Левитан К. М.* Юридический перевод: основы теории и практики. М.; Екатеринбург, 2011. С. 49, 57–61.

⁶⁴ А. П. Сергеев определяет последнее, разграничивая его с понятием оригинального произведения: «Оригинальным является такое произведение, все основные охраняемые элементы которого созданы самим автором. В производном (или зависимом) произведении заимствованы охраняемые элементы чужого произведения». Далее, к определению производного произведения могут быть отнесены выделяемые А. П. Сергеевым критерии предоставления этому произведению авторских прав: «Основным критерием для предоставления ему охраны является требование творческой самостоятельности по сравнению с оригиналом. Как правило, это выражается в придании произведению новой формы, отражающей оригинал. Вторым непременным условием возникновения авторских прав на такое произведение является соблюдение его создателем прав автора произведения, подвергнувшегося переводу, переделке... или другой переработке» (*Гражданское право: учебник / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. М., 2001. Т. 3. С. 138 (автор разд. V «в» «Право интеллектуальной собственности» — А. П. Сергеев)*). А. Берман, говоря о двойственном положении переводчика, пишет: «Он автор — но никогда не Автор... [а] произведение переводчика — никогда не Произведение» (*Берман А.* Испытание чужим... С. 98).

С одной стороны, ни у филологов, ни у юристов нет сомнений, что перевод правовых текстов обладает большой спецификой⁶⁵. С другой стороны, попытки найти полностью самостоятельное понятие перевода правового текста (юридического перевода) с одного национального языка на другой представляются нам нецелесообразными. Напротив, имеются основания исследовать специфику перевода правовых текстов. При этом целесообразно выявлять специфику перевода отдельных видов правовых текстов, ведь значение и специфика деятельности по переводу определенного правового текста зависят от вида соответствующего правового текста. Очевидно, что сложность перевода правовых текстов зависит от их видов. Наиболее простыми являются переводы стандартизированных правовых текстов, терминология и синтаксические формы которых имеют многократно подтвержденные аналоги на переводящем языке (например, свидетельства о гражданских состояниях). Наиболее сложны переводы больших правовых текстов, касающихся большого числа взаимосвязанных отношений, в которых встречается соответствующее разнообразие терминов и сложные взаимосвязи понятий, например, нормативно правовых актов, типа кодексов, больших правовых текстов-мнений прикладного, исследовательского или учебного характера. Степень сложности любого правового текста повышается, если правовой текст имеет исторический (т. е. связан с правовыми системами прежних эпох) или философский (например, связан с различными типами правопониманий) характер.

Помимо вида и степени сложности правового текста существенное влияние на структуру и детали переводческой деятельности оказывает филологическая и специальная юридическая компетентность переводчика⁶⁶. Для компетентности переводчика правового текста большое значение имеет, носителем какого языка (исходного или переводящего), какой культуры и какой правовой культуры является переводчик. Также важны знание культуры страны, из которой исходит переводимый правовой текст, и страны, для которой предназначен переведенный правовой текст⁶⁷.

В остальном перевод правовых текстов имеет общие черты с переводами научных текстов гуманитарных наук: исторических, философских

⁶⁵ А. В. Заикина, например, справедливо обращает внимание на специфику и сложности «юридического перевода»: «Юридический перевод не зря считается одним из наиболее сложных видов перевода», поскольку при его осуществлении «обычных навыков переводчика недостаточно. Юридический перевод не может быть осуществлен корректно без использования специальных познаний в соответствующей области права, без знания специфики конкретного вида правоотношений. Необходимо ориентироваться в действующем законодательстве, а также владеть специальной лексикой и знать об особенностях использования иностранной терминологии в конкретном контексте» (Заикина А. В. К вопросу о формировании переводческой компетенции у студентов-юристов в процессе обучения иноязычной коммуникации // Российское право в Интернете. № 2008 (08). URL: <http://www.rpi.msal.ru/prints/200802kompeten.html> (дата обращения: 16.04.2009)).

⁶⁶ Подробнее см. ниже.

⁶⁷ Редким исключением являются переводчики, которые являются одновременно носителями двух языков, двух культур, двух правовых культур и обладают при этом высокой специальной юридической компетентностью.

и филологических. При переводах правовых текстов подлежат применению данные общей теории перевода с учетом специфики этих текстов.

В теории перевода существуют различные определения перевода⁶⁸. Перевод слов отличается от перевода высказываний. Перевод устных высказываний⁶⁹ отличается от перевода высказываний на письме, т. е. текстов⁷⁰. Условно говоря, перевод любого текста есть вид его филологической обработки. Структура этой деятельности зависит от метода перевода. В теории перевода различают два основных метода перевода: трансформационный и денотативный. Согласно К. М. Левитану, *трансформационный метод* рассматривает процесс создания текста перевода как преобразование единиц и структур *исходного языка* (ИЯ) в единицы и структуры *переводящего языка* (ПЯ), т. е. как ряд межъязыковых трансформаций. *Денотативный метод* этот автор определяет как процесс описания при помощи ПЯ денотатов (т. е. обозначаемого), описанных на языке оригинала. Переводчик отождествляет составляющие этот текст единицы с известными ему знаками ИЯ и через них выясняет, какую ситуацию реальной действительности описывает оригинал. После уяснения денотата оригинала переводчик описывает эту же ситуацию на языке оригинала⁷¹.

Мы полагаем, что представление этих методов перевода правоведам целесообразно в сопоставлении с двумя точками зрения на деятельность судьи (а часто и любого юриста). Воззрению на деятельность судьи как на творческий поиск добра и справедливости в правоведении издавна противопоставляется механистическое воззрение, когда судья рассматривается как сложная субсумационная машина⁷². При переводах правовых текстов *трансформационный метод* в чистом виде *допустимо применять только при переводе стандартизированных правовых текстов*, терминология и синтаксические формы которых имеют многократно подтвержденные

⁶⁸ См., напр.: «Перевод — процесс опосредованной двуязычной коммуникации, в результате которого смысл исходного текста (ИТ) передается (замещается, воспроизводится) средствами переводящего языка (ПЯ) в переводном тексте (ПТ)» (Левитан К. М. Юридический перевод... С. 13). В. В. Сдобников и О. В. Петрова проблеме определения перевода посвятили особую главу, в которой разбираются наиболее известные в лингвистике определения (Сдобников В. В., Петрова О. В. Теория перевода. С. 85–96). Сам В. В. Сдобников определяет перевод как вид языкового посредничества, при котором на ПЯ создается текст, коммуникативно равноценный оригиналу, причем его коммуникативная равноценность проявляется в его отождествлении Рецепторами перевода с оригиналом в функциональном, содержательном и структурном отношении (Там же. С. 92). Во всех обнаруженных нами определениях игнорируется, однако, что перевод одного слова уже есть перевод. Косвенным признанием этого может служить любой разбор трудностей перевода отдельных слов. (Левитан К. М. Юридический перевод... С. 54–55, 72–78).

⁶⁹ Специфика перевода устных высказываний правового характера, т. е. высказываний, касающихся объективного права или субъективных прав и обязанностей, не входит в предмет нашего рассмотрения.

⁷⁰ Подробнее см.: Сдобников В. В., Петрова О. В. Теория перевода. С. 96–103.

⁷¹ Левитан К. М. Юридический перевод... С. 71.

⁷² Соответственно проблемы, связанные с теоретической оценкой машинного перевода в лингвистике, представляют интерес в свете теоретико-правовой дискуссии о возможности вынесения судебного решения компьютером.

аналоги на переводящем языке. Этот метод — основа работы компьютерных программ по переводу и, как правило, начинающих переводчиков.

Продолжение сравнения методологии лингвистики и правоведения позволяет заключить, что не всякое применение трансформационного метода является случаем его применения в чистом виде. Методологии правоведения известно понятие свернутого понимания нормы права. А. Ф. Черданцев объясняет его следующим образом: «Иногда отсутствие толкования может быть кажущимся. Опытный юрист довольно часто легко, без особых усилий “схватывает” абстрактный смысл нормы права и применительно к конкретным ситуациям. Но нужно отметить, что такое легкое, “свернутое”, на первый взгляд, понимание нормы имеет в своей основе как опыт собственного прошлого толкования, так и опыт других»⁷³.

Справедливо связывая проблемы толкования права с проблемами перевода, Р. Сакко подчеркивает, что не все право выражается словами. Он поясняет: «Существует — именно внутри писаного права — ряд переживаний неписаного элемента. Юрист подразумевает его, когда говорит о живом праве (праве истинном, противопоставляемом писаному, но не действующему праву) ... или о принципах права (неписаных). Юрист равным образом подразумевает их, когда говорит о способах толкования, влияющих на значение, которое будет придано законодательному тексту»⁷⁴.

Общие черты методологии лингвистики и правоведения обнаруживаются при сопоставлении деятельности толкования права с так называемой аналитической критикой художественных текстов. Задачей критики в этом смысле, с точки зрения И. А. Ильина, является пройти от слова через образ к предмету и обратно — от предмета через образ к слову, — не только интуитивно, чувством, воображением и волей, но и сознательной мыслью; он должен свести все к главному и опять развернуть все из главного, следуя за указаниями автора⁷⁵. Специфика переводческой деятельности заключается в том, что на отрезке «от слова» первым пунктом является текст (он же — так называемый видимый текст⁷⁶) на ИЯ, а конечный пункт отрезка «к слову» — текст на ПЯ. К переводу также применим другой тезис И. А. Ильина, относящийся, вероятно, к аналитическому чтению: «*Читать* значит *внимать*, т. е. “имать”, брать внутрь созданное и предложенное автором. Писатель *создает* впервые, первоначально; а читатель только *воссоздает* уже созданное, вторично. Писатель *ведет* и *показывает*; а читатель призван *идти за ним* и *верно видеть именно то самое*, что старается показать ему писатель»⁷⁷. Исходя из этой позиции, в *деятельности по переводу*

⁷³ Общая теория государства и права: академический курс: в 3 т. / отв. ред. М. Н. Марченко. М., 2002. Т. 2. С. 474 (автор главы «Толкование права» — А. Ф. Черданцев).

⁷⁴ Сакко Р. Истинные и ложные проблемы сравнительного права. С. 337.

⁷⁵ Ильин И. А. О чтении и критике // Ильин И. А. Одинокий художник: статьи, речи, лекции. М., 1993. С. 24, 26. — Подробнее см.: Тарасова М. Р. Феномен литературной критики в интерпретации И. А. Ильина // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. «Русская филология». 2009. № 4. С. 168–171.

⁷⁶ Подробнее о понятии «видимого текста» см.: Поляков А. В. Язык нормотворчества... С. 364.

⁷⁷ Ильин И. А. О чтении и критике. С. 20–21.

могут быть выделены несколько этапов⁷⁸. Эти этапы часто хронологически совпадают⁷⁹, но нередко они бывают разделены во времени.

1. Акт общего восприятия ИТ. Общее восприятие переводчик получает на основании согласования «явной и неявной информации, т. е. «видимого текста» и «невидимого подтекста»⁸⁰. Для получения и первичной интеллектуальной обработки той и другой информации необходим анализ названия, вступительной части, аннотации, оглавления; данных о правовой системе, из которой происходит соответствующий текст; данных об авторе⁸¹, а также результатов «пробежки» по тексту, направленной прежде всего на выявление общей предметной и стилистической характеристики текста. На этом этапе устанавливается: является ли текст правовым; вид правового текста и его юридическая сила (нормативный акт, акт применения права, проект нормативного акта, частное мнение о праве; монография, учебник, комментарий, научная статья, текст публичного выступления); сложность текста; является ли текст смешанным; системная, отраслевая и предметная принадлежность; является ли текст историческим, если да, то к какой эпохе он относится. Для понимания многих правовых текстов большое значение имеют философско-правовые вопросы, в особенности какой тип правопонимания, какую философию, теорию или школу права представляет автор (в том числе законодатель). Синтезировав эти данные, переводчик должен критически оценить субъективные «имеющиеся знания»⁸²: он должен определить, обладает ли он достаточной филологической и предметной компетентностью для осуществления перевода данного правового текста⁸³. Если он придет к отрицательному заключению в принципе, то он должен определить, будет ли он в состоянии осуществить перевод при условии самостоятельного восполнения недостатков компетентности. В любом случае, если предстоит осуществить перевод на заказ правового текста высокой степени сложности, часто целесообразен своеобразный «анамнез», т. е. обстоятельное собеседование с заказчиком относительно содержания этого текста. Если в этом пункте переводчик придет к отрицательному заключению относительно своей компетентности, то, возможно, работа по переводу может быть осуществлена совместно с тем, кто будет в состоянии восполнить эту компетентность. Если поиски такого помощника или соратника окажутся безуспешными, то

⁷⁸ Ср. с вариантом разделения письменного перевода на этапы, предложенным К. М. Левитаном: *Левитан К. М.* Юридический перевод... С. 15–16.

⁷⁹ При осуществлении синхронных устных переводов они должны совпадать.

⁸⁰ *Локшина М. Д.* Проблема повышения информативности законодательного текста // *Язык закона / под ред. А. С. Пиголкина.* М., 1990. С. 180 (цит. по: *Поляков А. В.* Язык нормотворчества... С. 364).

⁸¹ Эти данные относительно правовых текстов обладают большой спецификой: они тесно связаны с видом правового текста и его юридической силой.

⁸² Подробнее см. ниже.

⁸³ Для тех, кто обладает высоким уровнем самокритичности относительно перевода больших и сложных правовых текстов, в качестве критерия наличия или отсутствия необходимого уровня предметной компетентности может служить вопрос: «В состоянии ли я написать самостоятельную статью для серьезного научного журнала о том же предмете, о котором идет речь в тексте, подлежащем переводу?».

переводчику целесообразно отказаться от перевода данного текста. Иначе будет очень большой риск неудачного результата перевода либо перевод вызовет очень большие трудозатраты.

2. Толкование текста. Аналитическая часть этой деятельности состоит в поиске целостного смысла каждого отдельного высказывания; выявлении структуры высказывания — стилистической единицы или стилистических единиц и их соотношения; определении смыслового содержания этих единиц (отдельных суждений, включая их модальность, и умозаключений). По итогам аналитической деятельности, хронологически же — почти одновременно с ней, осуществляется синтетическая деятельность, в результате которой переводчику необходимо понять высказывание в целом. Та и другая часть толкования образуют процесс понимания, который всегда включает акт субъективной интерпретации. Понимание же для перевода должно обладать высокой степенью объективности. Для ее достижения часто требуется специальная исследовательская деятельность. Такое исследование часто заключается в поиске объективных знаний о фактах, составляющих предмет текста, и их критическом сравнении с результатами собственного познания. Результатом этого процесса должно стать (по возможности наиболее близкое к объективному) понимание стилистических единиц и высказывания в целом. Понять правовой текст означает получить истинное представление о фактах, о которых он свидетельствует, принимая во внимание их юридическое значение; о жизненных отношениях, которые в нем описаны, принимая во внимание их юридическую квалификацию; об отраженных в нем суждениях, умозаключениях; о ближайших связях между тем, другим и третьим, а также об отдаленных связях в системе права, в науке и в истории. Получение этого представления является предпосылкой адекватного или эквивалентного перевода. Работа переводчика на данном этапе существенно усложняется, если ИТ обладает несовершенствами плана выражения. Для обнаружения этих несовершенств в сложных правовых текстах требуется сочетание высокого уровня филологической и предметной компетентности.

3. Акт создания ПТ — придание результату субъективного понимания объективной формы. Как и для любого исследователя, для переводчика действует правило Сенеки: «Отметь каждый познанный предмет явным знаком»⁸⁴. Исследовательская деятельность переводчика на этом этапе часто должна быть продолжена. Для сложных случаев необходимо установить, существует ли в правовой системе, к которой будет относиться правовой текст на переводящем языке, правовой институт, аналогичный институту правовой системы, к которой относится правовой ИТ. Нахождение такого аналога поможет найти ряд ключевых терминов или даже целостную терминосистему. Однако эти термины иногда оказываются так называемыми ложными друзьями переводчика⁸⁵. Этот феномен может

⁸⁴ Сенека Л. А. Нравственные письма к Луцилию / пер. С. Ошерова. М., 2010. С. 136. Письмо XLV.

⁸⁵ Подробнее см.: Левитан К. М. Юридический перевод... С. 72–74.

иметь различные причины. Как для проверки терминов на предмет «ложной адекватности», так и в случае обнаружения отсутствия аналогичного института необходимо продолжить самостоятельную исследовательскую работу или обратиться к специалисту по данному правовому институту или аналогичной подотрасли права. Если в результате этого не удастся найти адекватного термина, то выходом может быть создание термина-дефиниции⁸⁶. Главным элементом акта преобразования является передача смыслового содержания высказывания (если целостное высказывание отсутствует, то отдельных стилистических единиц) средствами ПЯ, т. е. в том числе посредством терминосистемы переводящего языка, отражающей те же или аналогичные факты, жизненные отношения, суждения, умозаключения и т. п., с учетом возможной аналогичности и специфики системных и исторических связей. Главным результатом этого акта является образ этого смыслового содержания на ПЯ. Однако, осуществляя это преобразование, переводчик обязан дополнительно по возможности передать на ПЯ также и все структурные и стилистические особенности высказывания на ИЯ. Отступление от этой обязанности допустимо, если ее исполнение негативно повлияет на главный результат, т. е. исказит смысловое содержание (факты, суждения, умозаключения и модальность). О значительных отступлениях такого рода необходимо делать специальное указание, например в примечаниях. Специальные указания требуются также в случаях обнаружения несовершенств плана выражения ИТ⁸⁷.

5. О проблеме совершенного выражения правовых текстов и научной коммуникации при их переводе

5.1. О модификациях несовершенства выражения правовых текстов. Прежде всего, не все проблемы понимания, которые связаны с планом выражения правовых текстов, вызываются их несовершенствами. Эти проблемы могут возникнуть, в частности, вследствие «благоприобретенной», т. е. исторически обусловленной, полисемантической⁸⁸.

⁸⁶ См. ниже.

⁸⁷ Целесообразно предложение К. М. Левитана переводчику на завершающем этапе контролировать собственные решения и проводить необходимую правку, орфографическую коррекцию и редактирование (*Левитан К. М.* Юридический перевод... С. 16).

⁸⁸ Если абстрагироваться здесь от спорного понятия «юридических артефактов», то, в принципе, следует согласиться с утверждением В. А. Бачинина: «Эпохальные переоценки ценностей, периодически совершающиеся во всех социокультурных системах, неизменно накладывают свою печать на содержание юридических артефактов, заставляя их испытывать значительные семантические “перегрузки”, обусловленные смещениями и пересечениями содержательных доминант политического, идеологического, этического, социально-философского и сугубо правового характера... юридические артефакты способны изменять свои смысловые и нормативно-ценностные линии и фигуры от воздействия на них меняющегося социально-исторического контекста. Каждая новая эпоха имеет свойство вкладывать в них свое, дополнительное к уже имеющемуся социальное и культурное содержание, тем самым еще более повышая степень их полисемантической» (*Бачинин В. А.* История философии и социологии права. С. 17–18).

Несовершенства плана выражения правовых текстов имеют множество модификаций. Наиболее часто встречаются «расплывчатость», чрезмерная синтаксическая и стилистическая сложность, а также двусмысленность выражений⁸⁹. С проблемами, вызываемыми такого рода недостатками в правовых текстах, а также с необходимостью определения точного значения терминов сталкиваются все юристы, но при работе с правовыми текстами на иностранных языках возникают специфические сложности: несовершенства плана выражения здесь обнаруживаются особенно трудно; в качестве «несовершенства» может выступить, например, банальная, с точки зрения носителя иностранного языка, многозначность слов⁹⁰. Недостаточное внимание к этой специфике повышает вероятность совершения ошибок при толковании и переводе. В итоге же акт коммуникации автора, переводчика правового текста и его реципиента будет затруднен или окажется невозможным.

Многозначность слов как помеха научному познанию была предметом исследования уже философов и правоведов Древнего мира. Об одной из причин этого несовершенства высказываний говорил еще Сократ: «Бывает, что одно и то же название сохраняется на вечные времена не только за самой идеей, но и за чем-то иным, что не есть идея, но обладает ее формой во все время своего существования»⁹¹.

Сенека, говоря о «суждениях великих людей», сожалеет о том, что они «искали лишнее»: «Много времени отняли у них словесные тонкости... Мы запутываем узлы, навязывая словам двойной смысл, а потом распутываем их». Однако, следуя дальнейшему рассуждению Сенеки, можно понять, что «все-таки» необходимо «разбираться в словах двоякого смысла». При этом «зоркость» нужна прежде всего, естественно, «не в словах, а в делах». «Различай предметы: они нас обманывают!» — призывает и предупреждает Сенека. Однако эти «обманщики» и «враги» скрываются порой «под личиной друга» благодаря ложному или неясному «знаку». Исходя из этого, необходимо исследовать как предмет, так и его «личину», его словесный «знак»⁹².

Многозначность как методологическая проблема правоведения специально разбиралась Савиньи в рамках рассмотрения им способов толкования несовершенных законов. Одной из наиболее типичных причин несовершенства законов, по Савиньи, является неопределенное выражение. «Неопределенность выражения, которая делает невозможным посредством его одного распознать какую-либо завершующую мысль, может быть представлена прежде всего двояко: как неполнота или как

⁸⁹ Подробнее о расплывчатости и двусмысленности в законодательстве см.: Валадес Д. Язык права и право языка. М., 2008. С. 66–67.

⁹⁰ Кроме этого, согласно К. М. Левитану, в каждом языке есть слова, не имеющие однозначного перевода на другой язык. Часть юридических терминов относится к безэквивалентной лексике, образуя интеркультурные лакуны (Левитан К. М. Юридический перевод... С. 20). Неадекватный выбор значения при переводе многозначных языковых единиц является одной из основных причин ошибок переводов (Там же. С. 28).

⁹¹ Платон. Федон / пер. С. Маркиша // Платон. Избранные диалоги. М., 2001. С. 912–913. 103 d.

⁹² Сенека Л. А. Нравственные письма к Луцилию. С. 136–137. Письмо XLV.

многозначность... Более частым и важным является случай многозначности, который... может встречаться в различных образах: как многозначность отдельного выражения или конструкции»⁹³. Для преодоления этих трудностей Савиньи предлагает целостную концепцию использования многочисленных «вспомогательных средств», разбираемых им в его учении о толковании законов. В российском дореволюционном правоведении аналогичные сферы толкования права наиболее глубоко развиты трудами цивилистов Е. В. Васьковского⁹⁴ и А. В. Завадского⁹⁵.

Исследования современных филологов содержат ценные дополнения методологических положений, разработанных правоведами. Что касается переводов правовых текстов, то можно утверждать, что ошибки толкования, вызванные многозначностью терминов, часто имеют место в случае слепого следования значениям, указанным в словарях. В связи с этим, особо говоря о проблемах перевода с немецкого языка, В. А. Татаринов подчеркивает: «При переводе переводчик всегда должен иметь в виду, что многозначность... немецкого слова никогда не повторяет многозначности аналогичного слова в русском языке... Особенно показательны эти законы... у терминов... Поскольку семантические системы языков не совпадают, процессы наращивания содержания понятия в разных языках, естественно, также различны... По причине естественной разобщенности культур и языков и их несинхронизированного развития понятийные и концептуальные расхождения всегда наличествуют в иностранном языке... Опасно подводить понимание иностранного текста под имеющиеся знания»⁹⁶. С этими словами в целом следует согласиться⁹⁷.

5.2. О методах достижения совершенного выражения при переводах правовых текстов. Признавая опасность подведения понимания иностранного текста под имеющиеся знания, мы считаем, что оно нуждается в существенном дополнении. Это подведение чревато ошибками, если осуществляется вслепую, без предварительной проверки. Полное игнорирование имеющихся знаний при переводе правовых текстов не менее опасно, чем слепое следование им. Между этими противоположностями существует широкий спектр возможных отношений к имеющимся знаниям. При переводе стандартного текста формулярного типа, например документа о гражданском состоянии, высокая степень критичности к имеющимся знаниям будет излишней. Но она может быть весьма уместна во множестве других случаев. К этим случаям может относиться уже перевод формуляра вновь составленного договора⁹⁸.

⁹³ Savigny F. C. von. System des heutigen römischen Rechts. Band 1. S. 225–226.

⁹⁴ Васьковский Е. В. Цивилистическая методология... С. 100–105.

⁹⁵ Завадский А. В. К учению о толковании и применении гражданских законов. М., 2008. С. 195–199.

⁹⁶ Татаринов В. А. Методология научного перевода. М., 2007. С. 68–69.

⁹⁷ См., однако, ниже.

⁹⁸ При проверке правильности переводов формуляров приходится сталкиваться с таким числом ошибок, что часто создается впечатление, что заказчики таких переводов поручали их осуществление специалистам, которые не обладают ни лингвистической, ни юридической компетентностью. Многие формуляры являются сложными правовыми тек-

Всякому исследователю, но в особенности переводчику правового текста, по крайней мере по всякому новому для него термину, необходимо проводить сравнительное исследование «имеющихся знаний» с собственными результатами. Наряду с новыми терминами импульсом к исследованию должен быть необычный контекст ранее известного термина⁹⁹. Для

стами. Ввиду намеренной неполноты составления эти тексты требуют высокого уровня юридической квалификации. Составитель должен быть и, как правило, является специалистом в той сфере, к которой относится формуляр. Ошибки при переводе формуляров часто возникают, вероятно, из-за того, что переводчик, плохо представляя реальное отношение, имеет весьма ограниченные данные контекста, которыми он мог бы восполнить недостаток юридической компетенции. При переводе формуляров особенно необходима кооперация составителя формуляра (или заказчика перевода) и переводчика. Переводчик формуляра, как и юрист (или иной специалист) — его составитель, должен хорошо представлять правоотношение, которое будет возникать, изменяться или прекращаться посредством данного формуляра. Если принять во внимание учение о формулярном праве, то можно сказать, что не только составители, но и переводчики правовых формуляров опосредованно могут быть причастны к правотворчеству.

⁹⁹ Пример перевода термина *Verkehrsrecht* хорошо иллюстрирует указанную ситуацию, а также проблему многозначности терминов и частую необходимость сочетания филологического, исторического и системного методов толкования при переводах правовых текстов. Немецко-русский юридический словарь предлагает два варианта перевода термина *Verkehrsrecht*: совокупность правовых норм, регулирующих работу транспорта; право родителей, лишенных родительских прав, на свидание с детьми. Этот термин был использован О. фон Гирке в его речи «Естественное право и немецкое право». Из контекста следовало, что этот термин обозначает право в объективном смысле. Очевидно, исходя из этого, переводчик избрал первое из названных значений, однако вместо предложенного термина-дефиниции он использовал широко распространенный в правовых текстах технический термин «транспортное право» (*Гирке О. фон. Естественное право и немецкое право // Савиньи Ф. К. фон. Система современного римского права / пер. с нем Г. Жигулина; под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. М., 2011. Т. 1. С. 34*). Казалось бы, чисто филологически все правильно. Однако уже следующий шаг — первичное системное и историческое исследование контекста — показывает, что термин «транспортное право» совершенно в него не вписывается. Предложение, содержащее этот термин в тексте перевода, оказалось бессмысленным. Такой нежелательный результат может возникнуть у любого переводчика, стоит только ему на мгновение ослабить внимание. Разбор этого случая может служить примерной схемой перевода правовых текстов исторического характера. Итак, переводчику в данном случае необходимо было учесть следующие обстоятельства. Транспортное право является относительно новой отраслью законодательства. Речь же О. фон Гирке была произнесена в 1882 г. (*Gierke O. Von. Naturrecht und deutsches Recht. Frankfurt/Main, 1883. Available at: <http://www.gleichsatz.de/b-u-t/can/rec/gierke1a.html> (accessed: 20.01.2017)*). В предложении, в котором использован термин *Verkehrsrecht*, вообще речь идет о содержании древнего германского права. Применяя системный метод, уже по контексту можно найти ориентиры для определения места искомого понятия в системе права: одна из подотраслей частного права, сопоставимая по значению с семейным правом и «порядком права собственности» (*Eigentumsordnung* — в указанном источнике ошибочно переведено как «упорядочения собственности») (*Гирке О. фон. Естественное право... С. 34*). Обнаруженная таким образом проблема перевода термина *Verkehrsrecht* требовала дальнейшего исследования. Первый шаг на пути ее разрешения вновь требовал применения филологического метода. Он выявлял новую проблему: еще большую многозначность слова *Verkehr*. Даже как юридический термин это слово имеет по крайней мере десять значений. Рассмотрение этих значений в свете вышеуказанных обстоятельств позволяло выявить группу терминов, подходящих по контексту: «оборот, обмен». Вновь обращаясь к историческому и системному методу, можно выяснить, что эти два термина соотносимы с понятиями «семейное право» и «порядок права собственности». Синтез всех обнаруженных обстоя-

такого рода случаев в полной мере действуют методы, выработанные выдающимся средневековым теологом и философом Пьером Абеляром (1079–1142). Эти методы до сих пор сохраняют ценность для исследования правовых текстов, в особенности правовых текстов исторического и фило-софского характера, а также юридической литературы:

«Стимул, пробуждающий научный поиск, исследование, ведущее к истине — сомнение... лишь исходный пункт исследования — его не следует абсолютизировать. Речь идет о пути, о методичном сомнении, постоянном критическом контроле, проверке текста... как одолеть сомнение, выйти из противоречий и приблизиться к истине?

Первое правило — подвергнуть текст анализу, выяснив смысл терминов во всех их историко-лингвистических оттенках. Понимание текста может быть затруднено непривычным употреблением терминов, а также их вариативностью и полисемией. Анализ должен установить, причины этой вариативности в связи с обстоятельствами возникновения текста, а также мотивами, побудившими автора высказать именно данный текст, являющийся его языковой собственностью.

Второе правило — четкое установление аутентичности текста относительно как автора, так и случайных подстановок и интерполяций.

Третье правило — проверка сомнительных текстов путем сличения с подлинными текстами в рамках целого корпуса сочинений автора. Важно при этом не смешивать привнесенные мнения с личной точкой зрения автора и, что нельзя забывать, недопустимо интерпретировать как решение то, что автор ставит лишь как проблему, гипотезу...

Диалектика подвергает анализу термины языка, находя их значения и функции соответствия обозначаемым вещам, способ их вхождения в структуру дискурса...¹⁰⁰ Контроль за семантической связью терминов с реальностью, обозначаемыми объектами — первая задача диалектики»¹⁰¹.

тельств наводит на вопрос: для характеристики какой системы права и в какую эпоху рассмотренные понятия имели основополагающее значение? Одним из возможных ответов будет древнейшее римское право. Точный ответ на вопрос о подходящем значении термина *Verkehr* можно найти в фундаментальном труде С. А. Муромцева «Гражданское право Древнего Рима» (М., 2003. С. 67–68). Этим значением является «гражданский оборот». Соответственно, термин *Verkehrsrecht* означает здесь «право (в объективном смысле) гражданского оборота».

¹⁰⁰ Из различных определений этого понятия здесь уместно привести данное В. Е. Чернявской: «Дискурс — это совокупность тематически общих текстов, каждый из которых воспринимается и идентифицируется как языковой коррелят определенной социально-культурной практики» (Чернявская В. Е. Интерпретация научного текста. М., 2006. С. 26).

¹⁰¹ Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Т. 2. Средневековье. СПб., 1994. С. 111–112. — Об актуальности этих герменевтических положений косвенно свидетельствуют слова Л. Витгенштейна, вывод которого почти продолжает методологию Абеляра, как будто двух великих ученых не разделяют несколько столетий: «Если мы не знаем точных значений (курсив наш. — В. Б.) используемых нами слов, мы не можем ожидать какой-либо пользы от наших дискуссий. Большинство пустых споров, на которые все мы тратим время, в основном возникают из-за того, что каждый из нас имеет в виду свои собственные смутные значения используемых слов и предполагает, что наши оппоненты используют их в том же самом смысле. Если бы мы с самого

Указанные сомнения, контроль и проверка знаменуют собой (в большинстве случаев) заочную коммуникацию исследователя или переводчика с автором «имеющихся знаний».

Положение Савиньи о том, что при всяком толковании закона должна быть реконструирована содержащаяся в нем мысль¹⁰², применимо и к переводам всех правовых текстов. Подобно юристу, толкующему закон при его применении и научном исследовании, переводчик должен реконструировать мысль в любом переводимом им правовом тексте. Работа над переводом сложного правового текста похожа на работу над проектом сложного нормативного акта: и там, и тут необходимы контроль и проверка «имеющихся знаний». И там, и тут авторы часто убеждены в совершенстве и длительном неизменном существовании своих произведений. Однако и там, и тут практики, ученые, последующие законодатели и последующие переводчики обнаруживают либо изначальные несовершенства «имеющихся знаний», либо их возникшую впоследствии неадекватность ввиду существенного изменения жизненных отношений или значительного изменения их словесной оболочки: языка и терминологии.

И там, и тут специалист, намеренно осуществляющий контроль и проверку либо осуществляющий их в ходе применения «имеющихся знаний», должен вновь исследовать правоотношение, которое уже было предметом исследования автора «имеющихся знаний», и подвергнуть эти знания ревизии. При этом необходимо продолжить (в большинстве случаев заочную) коммуникацию с автором «имеющихся знаний», а также создать предпосылку для дальнейшего познания того же предмета другими исследователями. Их результаты будут зависеть от того, получают ли они «имеющиеся знания» только как результат либо они будут также знать путь получения этих знаний, т. е. методологию предшествующего исследователя.

Ввиду необходимости коммуникации и в сфере языка, и в сфере права при преодолении проблемы многозначности иностранного термина в сложных случаях, например при переводе текстов — мнений ученых, необходимо не ограничиваться произвольным выбором определенного значения. В особенности в таких случаях ответственный переводчик должен ответственно критиковать, который, согласно И. А. Ильину, «обязан обосновывать каждое свое суждение, каждое критическое слово»¹⁰³. Если предполагается, что адресатами текста являются специалисты, то целесообразно представить синонимы или даже синонимический ряд и сопроводить его мнением переводчика. Читатель при этом видит не одно значение, которое к тому же может быть неточным, а несколько. Здесь возможны две типичные ситуации: 1) определенное переводчиком основное значение, сопровождаемое словами, которые отражают оттенки

начала определили наши термины, то наши дискуссии могли бы стать намного более полезными» (приводится по: *Татаринов В. А.* Методология научного перевода. С. 92–93). Против этой точки зрения существуют возражения, в частности, со стороны К. Поппера (Там же).

¹⁰² *Савиньи Ф. К. фон.* Система современного римского права. Т. 1. С. 390–391.

¹⁰³ *Ильин И. А.* Что такое художественность // Ильин И. А. Одинокий художник... С. 250. — См. также: *Ильин И. А.* О чтении и критике. С. 26.

этого значения; 2) особо сложная ситуация, когда имеются два или даже более значений, каждое из которых, по убеждению переводчика, в равной или почти в равной мере может претендовать на квалификацию в качестве основного эквивалента переводимого термина.

«Быстрая смена предмета научных исследований влечет за собой необходимость установления семантического объема термина. Это достигается с помощью дефиниций...¹⁰⁴ С помощью постоянного уточнения дефиниции термина достигается его точность, фиксируется его семантический объем... Тенденции развития терминосистемы прослеживаются, например, на особенностях вариантных... и синонимических отношений между терминами (понятиями). Так, формальное... варьирование существует в языке только в силу языковой возможности выражать одни и те же логико-мыслительные категории разными языковыми средствами, в то время как синонимы семантически диагностируют новый взгляд на предмет исследования. Синонимия, тем самым, признак не зарождающейся, а развивающейся науки. Чем выше уровень развития науки, тем синонимичнее мышление специалиста»¹⁰⁵. Основываясь на своем опыте, В. А. Татаринев рекомендует: «Чтобы воспроизвести синонимический ряд из текста на иностранном языке в переведенном тексте, необходимо владеть синонимическими структурами обоих языков в их тончайших нюансах»¹⁰⁶.

Ссылаясь на С. В. Тюленева, В. А. Татаринев дополнительно замечает: «Источники помех простираются от оригинала, т. е. переводимого текста, до реципиента перевода, а процесс перевода — это процесс борьбы с помехами и энтропией»¹⁰⁷.

При переводах сложных правовых текстов адекватный перевод терминов порой невозможно найти ни в одном словаре. С точки зрения филологов эта ситуация является типичной: «Стоит какому-либо слову подвергнуться семантическому изменению, *словарь уже бессилён*... в науке регулярно происходит создание новых слов для обозначения вновь сформировавшегося понятия»¹⁰⁸. Эту трудность целесообразно преодолевать методом, выработанным В. А. Татариневым на основе идей Д. С. Лотте: «Как поступить... когда для иностранного термина нет “действительного” родного термина — его заменяет либо “недифференцированный” термин, либо термин отсутствует вовсе»¹⁰⁹. Если в результате транслитерации или буквального перевода получается «громоздкий и неуклюжий» термин, да еще и не вписывающийся в систему терминов, то лучше воспользоваться

¹⁰⁴ По согласному с этой точкой зрения мнению К. М. Левитана, адекватный перевод многих правовых терминов-неологизмов оказывается принципиально возможным только с помощью кратких дефиниций (*Левитан К. М. Юридический перевод...* С. 30). Так же считает и Р. Сакко: если подходящий термин отсутствует, то лучше объяснить, чем переводить (*Сакко Р. Истинные и ложные проблемы сравнительного права.* С. 364).

¹⁰⁵ *Татаринев В. А. Методология научного перевода.* С. 128–129.

¹⁰⁶ Там же. С. 173.

¹⁰⁷ Там же. С. 170.

¹⁰⁸ Там же. С. 174.

¹⁰⁹ Там же. С. 204.

описательным переводом. Необходимый же термин появится позднее непременно. «К общим принципам перевода... [Лотте] относит, например, учет в переводе дополнительной информации, которую несет тот или иной термин... Термин в переводимом языке должен сохранять функции категоризации понятий (действие, предметность, состояние, свойство и др.) и их классификации на более дробные группы»¹¹⁰.

Проблема переводчика, когда «словарь бессилён», подобна проблеме исследователя, обнаружившего понятие, которое еще не имеет адекватного термина. Последняя проблема была исследована еще И. Кантом. Предложенный им метод ее преодоления не потерял актуальности. Наряду с главной целью этот метод направлен также на обеспечение научной коммуникации.

«Мыслящий человек нередко затрудняется найти термин, точно соответствующий его понятию, и потому этот термин не может сделаться действительно понятным не только другим, но даже и ему самому. Изобретать новые слова — значит притязать на законодательство в языке, что редко увенчивается успехом. Прежде чем прибегнуть к этому крайнему средству, полезно обратиться к мертвым языкам и к языку науки, дабы поискать, нет ли в них такого понятия вместе с соответствующим ему термином, и если бы даже старое употребление термина сделалось сомнительным из-за неосмотрительности его творцов, все же лучше закрепить главный его смысл (хотя бы и оставалось неизвестным, употреблялся ли термин первоначально точь-в-точь в таком значении), чем испортить дело тем, что останешься непонятым. Поэтом если для определенного понятия имеется только одно слово в уже установившемся значении, точно соответствующее этому понятию, отличие которого от других, близких ему понятий имеет большое значение, то не следует быть расточительным и для разнообразия применять его синонимически взамен других слов, а следует старательно сохранять за ним его собственное значение; иначе легко может случиться, что термин перестанет привлекать к себе внимание, затеряется в куче других терминов с совершенно иными значениями и утратится сама мысль, сохранить которую мог бы только этот термин»¹¹¹.

Исследователи сферы правовой лингвистики выработали ряд ценных специальных теоретических и методологических положений, которые необходимо учитывать как филологам, так и юристам, осуществляющим переводы правовых текстов. В частности К. Люттерманн выработал даже принципы правовой лингвистики:

«*Междисциплинарность* означает сотрудничество и взаимодействие различных специальных областей, в первую очередь правоведения и лингвистики, а также социологии, антропологии, политологии, культурологии и философии.

Межкультурность означает, что культурное наследие передается в значительной степени посредством языка и различно от государства к государству и тем более от одной правовой системы к другой.

¹¹⁰ Там же. С. 211–212.

¹¹¹ Кант И. Критика чистого разума. М., 1994. С. 225.

Контрастивность охватывает сравнительные принципы исследования языков и их правовых систем. Именно в этом сравнении глубже познаются особенности собственной и чужой правовой культуры.

Открытость означает обмен теоретическими и практическими научными методами между различными дисциплинами, а также нахождение общей базы, на которой бы строилось создание контрастивных концепций и аналитических методов в лингвистике и правоведении»¹¹².

В ряде случаев в переводы научных правовых текстов целесообразно включать термины, части высказываний из ИТ, а иногда даже представлять параллельные отрывки текстов на обоих языках. Такие включения позволяют решать различные практические задачи. Прежде всего, они целесообразны в случаях, когда в ИТ встречаются термины, обозначающие или характеризующие ключевые понятия, относящиеся к предмету исследования. Особое внимание при этом необходимо обращать на термины, которые являются новыми для российского права и российской юридической литературы, а также на термины, которые в российской литературе имели прежде иной перевод. Если в тексте достаточно полно раскрыто понятие, обозначаемое такого рода термином, и доказано отсутствие адекватного русского термина или несовершенство существующего русского термина, то автору может быть приписано введение соответствующего термина в научный обиход¹¹³ либо предложение об изменении существующего в научном обиходе термина. В исключительных случаях целесообразно дополнять ПТ (в скобках или в примечании) иностранными словами без перевода, когда существуют основания предполагать, что они могут быть восприняты как неуместные, непривычные, выпадающие из контекста, ошибочные и т. п. Подобно случаям многозначности терминов, все эти включения служат заочной научной коммуникации. Необходимость этой коммуникации вытекает прежде всего из следующей практической потребности.

Независимо от того, кто осуществляет перевод сложного правового текста, в особенности текста-мнения, филолог или юрист, он должен об-

¹¹² *Luttermann K.* Übersetzen juristischer Texte als Arbeitsfeld der Rechtslinguistik // *Recht und Übersetzen* / Hrsg. G.-R. de Groot; R. Schulze. Baden-Baden, 1999. S. 47–57 (цит. по: *Мущинина М. М.* О правовой лингвистике в Германии // *Юрлингвистика-5: Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права: сб. статей / под ред. Н. Б. Лебедевой, О. Н. Матвеевой, Т. В. Чернышовой.* Барнаул, 2004. URL: <http://irbis.asu.ru/mmc/juris5/2.ru.shtml> (дата обращения: 20.04.2009)).

¹¹³ *Татаринов В. А.* Методология научного перевода. С. 197. — При выполнении этой задачи могут использоваться несколько методов: непосредственное введение — когда прямо определяется значение термина; постепенное подведение к термину — когда термин вводится после исследования понятия (т. е. инверсионный вид определения); ориентирующее введение — когда значение термина определяется через основные признаки обозначаемого им понятия; синонимизация — когда термин вводится в синонимический ряд; аналогизация — когда при введении термина используются термины, обозначающие аналогичные понятия (в нашем случае — российского права), а также из иных источников; метод «попутного замечания» — когда замечания выносятся в скобки или в сноску; этимологизация — когда дается лингвистическое объяснение происхождения термина. Подробнее см.: *Сенкевич М. П.* Стилистика научной речи и литературное редактирование научных произведений. М., 1984. С. 106–111.

ладать лингвистической, культурологической и предметной компетенцией, а также владеть одновременно и методологией перевода, и методологией толкования права. Насколько мы можем судить, специалисты, которые в совершенной степени обладают названной квалификацией (хотя бы применительно к одному иностранному языку и одной сфере права), относительно редки. Эта ситуация требует глубокой и разносторонней кооперации филологов, специализирующихся на переводах правовых текстов между собой, а также с юристами, исследующими иностранное право и осуществляющими в ходе своей деятельности переводы. Названным юристам также необходимо сотрудничество между собой и с указанными филологами. Кооперация этих специалистов может иметь различные формы. Весьма желательно непосредственное совместное творчество коллективов, в которые входят соответствующие филологи и юристы, но возможно и своего рода заочное сотрудничество, с помощью средств научной коммуникации. В этом случае каждый специалист, публикуя свой перевод относительно сложных случаев, должен включать в него элементы, требуемые для научной коммуникации соответствующих специалистов. Если переводчику известен предшествующий перевод, то желательно обоснование отвержения этого перевода. Высокий уровень культурологической и предметной компетенции переводчик обнаружит, если он, во-первых, верно определит, где он должен дать пояснение или комментарий, необходимые для понимания ПТ, и, во-вторых, успешно справится с этой задачей.

Рассмотренные методы позволяют, с одной стороны, закрепить в ПТ определенный или альтернативный результат, а с другой — продолжить профессиональную коммуникацию относительно мнения, высказанного переводчиком: система знаний должна оставаться открытой и развивающейся.

6. О лингвистической, культурологической и предметной компетенции при переводе правовых текстов

С одной стороны, П. Бартелоот верно замечает: «Так как перевод юридических текстов требует глубоких специальных знаний, то юридические тексты часто переводятся юристами, а не профессиональными переводчиками»¹¹⁴.

Исходя из нашего опыта, мы можем утверждать следующее. Для перевода многих видов правовых текстов требуется достаточно высокий уровень лингвистической¹¹⁵ компетенции переводчика. Эта компетенция

¹¹⁴ *Barteloot P.* Der Rahmen juristischer Übersetzungen // *Recht und Übersetzen*. S. 101–113 (цит. по: *Мушнина М. М.* О правовой лингвистике в Германии).

¹¹⁵ Некоторые авторы, например К. М. Левитан, используют термин «языковая компетенция» (*Левитан К. М.* Юридический перевод... С. 19). Этот автор, помимо прочего, выделяет дополнительно рецептивную и экспрессивную компетенции (первая, по его мнению, есть компетенция по восприятию и пониманию текста оригинала; вторая — компетенция по порождению текста перевода), а также коммуникативную компетенцию,

требуется юристам, регулярно занимающимся переводами. Для них действительно необходимо формирование переводческой компетенции¹¹⁶.

С другой стороны, большую важность имеет предметная компетенция переводчика правовых текстов. Ее дефицит возникает не только у переводчиков-филологов, но и у переводчиков-юристов. Вероятность такого дефицита при переводе сложных правовых текстов уменьшается по мере повышения способности рассмотрения переводимого правового текста в широком культурном контексте и соизмерения так называемых ментальностей¹¹⁷. Эту способность следует считать культурологической компетенцией переводчика. Она может возникнуть благодаря глубокой философской и исторической подготовке. Для оценки и самооценки способностей переводчика правовых текстов целесообразно выделять общую

в которую он включает знание языка, на котором составлен текст, наличие привычек к определенным языковым стандартам и подобных им знаний, без которых нельзя адекватно понять текст (Там же. С. 19, 51–52).

¹¹⁶ В то же время утверждение А. В. Заикиной о том, что «студент юридического вуза является потенциальным переводчиком юридических текстов» (*Заикина А. В.* К вопросу о формировании переводческой компетенции...), требует отдельного обсуждения. Если, например, связать этот вопрос с аспектом необходимости *всем* студентам-юристам «овладеть иностранным языком на профессионально достаточном уровне», то можно будет обнаружить, что значительной части практикующих юристов в их профессиональной деятельности почти не требуется (а часто не требуется вовсе) знание иностранного языка на уровне «переводчика юридических текстов». Вопрос о переводческой квалификации студентов-юристов является элементом общей дискуссии о концепциях юридического образования. Применительно к рассматриваемому вопросу мы развиваем тезис Марка ван Хука: «Не все студенты-юристы должны быть готовы к академической карьере, и может быть нецелесообразным разрабатывать [для всех студентов] образовательные программы [предназначенные] для очень незначительного меньшинства с особыми потребностями» (*Ван Хук М.* Европейские правовые культуры. С. 29). По нашему мнению, преподавание иностранных языков в юридических вузах должно строиться исходя из интереса студентов к будущим профессиональным сферам деятельности. Не зря существует сравнение значительного числа сфер права с так называемыми национальными видами спорта, которые могут быть очень популярными в одной стране и неизвестными в других странах. Во многих немецких университетах, например, юридическое образование является позитивистским и национально ориентированным (подробнее об этой проблеме см.: Там же). Преподавание иностранного языка для юристов ограничивается здесь часто только одним семестром. В рамках курса соответствующего иностранного языка «по выбору» студенты успевают получить лишь основы специальной терминологии и самые общие представления о правовой системе (правовых системах), в которой (которых) используется соответствующий иностранный язык. Тесно связан с названным аспектом перевода правовых текстов вопрос об осуществлении студентами переводов, которые выходят за рамки учебных целей (включая написание курсовых и подобных им работ). В качестве общего правила следует признать обоснованную точку зрения В. А. Татаринова, который, исходя из своей практики, не соглашается с тем мнением, что «термины по своей специальности студентами довольно легко усваиваются» (*Татаринов В. А.* Методология научного перевода. С. 350). Он обнаружил следующее: «Студенты не могут еще в полной мере владеть понятийным аппаратом своей специальности даже на русском языке. К недостаточному владению системой понятий прибавляются лингвистические дивергенции языкового оформления сходных понятий» (Там же). Исключения возможны, конечно, для особо одаренных и очень основательно подготовленных студентов.

¹¹⁷ С. В. Ткаченко обоснованно говорит о том, что перевод юридических текстов необходимо соизмерять с ментальностью общества, в котором эти тексты выработаны, а также общества, в котором они будут читаться (*Ткаченко С. В.* Рецепция римского права...).

и специальную культурологическую компетенции. Дополнительно следует выделять также общую предметную компетенцию и специальную предметную компетенцию¹¹⁸ переводчика правового текста.

Общая культурологическая компетенция переводчика для перевода правовых текстов означает углубленное страноведение с акцентом на политико-правовую историю и современное обществоведение.

Специальная культурологическая компетенция переводчика означает ориентацию в правовой культуре, в основных положениях общей теории, истории и системы права страны, из которой исходит ИТ, и страны, для которой предназначен ПТ.

Общая предметная компетенция переводчика означает свободную ориентацию в основных положениях теории, истории и системы права в той отрасли права, к которой относится переводимый текст. С. П. Хижняк справедливо предлагает выделять в системе юридической терминологии две подсистемы: «терминологию права (закона) и терминологию правоведения (юриспруденции)»¹¹⁹. Однако, с нашей точки зрения, в системе юридической терминологии существуют и другие подсистемы. Даже в сфере гражданского права существует специфика терминологии и стилистических оборотов, в частности текстов учредительных документов, с одной стороны, и текстов договоров и прочих волеизъявлений — с другой. Еще больше различий имеется и, соответственно, еще более четкое разграничение существует между терминологией и стилистикой правовых текстов, относящихся к разным отраслям права. Эти различия настолько велики, что, с точки зрения Л. Эриксона, «относительная самостоятельность... [различных] правовых сфер приводит к относительной самостоятельности и специального языка, присущего каждой из этих сфер, вследствие чего говорить о едином языке права не представляется возможным»¹²⁰.

Говоря о различной степени трудности перевода текстов, относящихся к различным сферам права, следует привести ценное наблюдение П. Бертеллоота:

«Трудности перевода возникают чаще, если переводимый текст относится к сфере, в которой национальные и региональные особенности правовой системы ярче выражены (например, процессуальное право, семейное право, административное устройство). Наоборот, тексты из пра-

¹¹⁸ Отсутствие этих компетенций описывается иногда как «незнание переводчиком реалий» (Левитан К. М. Юридический перевод... С. 20). Это незнание может вызывать в переводах логическое противоречие фактам реальной действительности и опущение ключевой информации (Там же).

¹¹⁹ Хижняк С. П. Юридическая терминология: формирование и состав. Саратов, 1997. С. 6.

¹²⁰ Eriksen L. Einführung in die Systematik der juristischen Fachsprache // Juristische Fachsprache. Kongressberichte des 12th European Symposium on Language for Special Purposes, Bruxelles/Bressanone 1999 / Hrsg. L. Eriksen, K. Luttermann. Münster LIT Verlag, 2002 (Reihe "Rechtslinguistik — Studien zu Text und Kommunikation"). S. 1–19 (цит. по: Мушнина М. М. О правовой лингвистике в Германии). — Столь категорический вывод нуждается в особом рассмотрении. Мы полагаем, что акцент в этом утверждении необходимо сделать все-таки на атрибуте «относительная самостоятельность».

вовых областей, основанных на международном обмене и сотрудничестве, легче поддаются переводу (например, международное торговое право, банковское право, сфера защиты прав потребителей)»¹²¹.

Специальная предметная компетенция переводчика, с нашей точки зрения, означает уровень знакомства с описываемым в тексте предметом (например, определенным правовым институтом), который сопоставим с уровнем знания *по данному предмету* специалистов, получивших соответствующее юридическое образование в обеих странах: стране, из которой исходит ИТ, и стране, для которой предназначен ПТ. Для наиболее сложных правовых текстов и для научных исследований иностранных источников, помимо прочего, необходима именно специальная предметная компетенция¹²².

В зависимости от конкретного текста часто дополнительно к названным компетенциям необходима компетенция по видам правовых текстов. Лингвистическая, культурологическая и предметная компетенции здесь переплетены особенно тесно. Можно выделить тексты современных законов и иных нормативных актов, судебных решений и процессуальных актов, договоров, комментариев, тексты ведомственного документооборота, тексты — протоколы обсуждений законопроектов в парламентах, тексты из современной научной, учебной и справочной юридической литературы и т. д. Что касается текстов комментариев, то, говоря о немецком гражданском праве, нельзя не сказать о языке такого влиятельного издания, как «Комментарий к Германскому гражданскому уложению Паландта»¹²³. Особо необходимо выделить исторические правовые тексты. С одной стороны, при их переводе требуется специальная лингвистическая, культурологическая и предметная компетенция, а с другой — во многих случаях без знания содержания этих текстов трудно понять современные правовые тексты.

Завершая рассмотрение методологических проблем перевода правовых текстов, считаем уместным привести еще одно ценное наблюдение П. Бартелоота: «Традиционные вспомогательные средства переводчика — одноязычные и двуязычные *словари и справочники* для юридических переводов — зачастую недостаточны. Поэтому переводчики пользуются

¹²¹ *Barteloot P.* Der Rahmen juristischer Übersetzungen. S. 101–113.

¹²² Эта компетенция особенно необходима для решения проблемы применения в разных странах правового текста на одном языке. Кроме этой проблемы Р. Сакко говорит, например, о частом различии толкований одного и того же юридического текста во Франции и в Бельгии; о различиях французского юридического языка Франции, Квебека, Швейцарии, Конго и Сенегала, а также различиях немецкого юридического языка XIX в. и современных немецких языков Германии, Австрии, Швейцарии, Лихтенштейна и ГДР (*Сакко Р.* Истинные и ложные проблемы сравнительного права. С. 341–345, 355, 358–359).

¹²³ Самый распространённый комментарий ГГУ, который выходит в издательстве *Beck* с 1938 г. (с 1949 г. — ежегодно). В среде немецких юристов общепризнано, что при пользовании этим комментарием приходится вначале мысленно переводить его текст на «нормальный» юридический язык. Главная причина — более 1500 (!) сокращений и аббревиатур (*Beck'sische Kurz-Kommentare. Bürgerliches Gesetzbuch / Hrsgb. O. Palandt, G. Brudermüller und andere. 76 Auflage. München: Beck, 2017*).

и научной литературой. Многие исследователи обращают внимание на отсутствие хорошей справочной литературы, которая содержала бы объемную информацию о юридических понятиях и сферах их употребления. Однако вместе с тем большинство исследователей признают, что создание таких справочников является крайне трудоемким процессом... Качество перевода заключается в его точности, понятности и хорошем стиле. Однако все эти качества часто исключают друг друга. Значение [этих] характеристик... различно в зависимости от типа юридического текста, его функций и адресата... Для... широкого круга читателей понятность и стиль могут оказаться важнее точности передачи информации. А в приговоре, который должен быть приведен в исполнение в другой стране, *точность является важнейшим требованием* (курсив наш. — В. Б.)»¹²⁴. Последнее, по нашему мнению, можно сказать о всяком правовом тексте.

7. Практические проблемы цивилистики, связанные с переводами правовых текстов

7.1. Перевод и комментарий Гражданского уложения Германии.

Российская цивилистика¹²⁵ с момента своего возникновения в XIX в. и до начала XX в., включая период действия Гражданского кодекса РСФСР 1922 г. и всю эпоху НЭПа, испытывала сильное влияние немецкого гражданского права и немецкой науки гражданского права. В ту эпоху уделялось большое внимание исследованиям немецких цивилистов¹²⁶. Несмотря на сохранение действия ГК 1922 г. до 1964 г., с 1930-х влияние немецкого права и немецкой науки на российское право и российскую науку значительно ослабло. Однако период со второй половины 1980-х гг. до настоящего времени можно считать временем восстановления былого влияния немецкого права и немецкой науки на российское гражданское право и российскую цивилистику. Помимо заметного роста прямых научных и практических контактов юристов, совместных конференций, обучения в немецких университетах российских студентов и аспирантов и т. п., влияние немецкого права и немецкой науки проявляется, с одной стороны, в значительном числе переводов немецкого законодательства и правовых текстов научного характера, а с другой — в большом спросе на эту литературу.

¹²⁴ *Barteloot P.* Der Rahmen juristischer Übersetzungen. S. 101–113. — Целесообразной представляется также рекомендация П. Бартелоота: «Для сохранения правового содержания юридические тексты следует всегда переводить с оригинального языка и избегать перевода с переведенного текста» (*Ibid.*).

¹²⁵ О влиянии немецкого юридического языка на формирование русского юридического языка в целом уже справедливо указывалось в литературе: *Сакко Р.* Истинные и ложные проблемы сравнительного права. С. 366.

¹²⁶ Переводы отрывков и целых произведений, сделанные в ту эпоху, сохраняют свое значение для развития современной теории гражданского права. Некоторые из этих переводов переиздаются в наши дни, напр.: *Иеринг Р. фон.* Избранные труды: в 2 т. СПб., 2006; *Савиньи Ф. К.* Обязательственное право / предисл. В. Ф. Попондопуло; пер. с нем. В. Фукса, Н. Мандро. СПб., 2004.

Более чем двадцатипятилетний опыт исследования ряда институтов немецкого гражданского права требовал от нас изучения как немецкой литературы, так и произведений российских ученых, занимающихся соответствующими предметами. Одним из неожиданно полученных нами результатов стало обнаружение многочисленных недостатков переводов рассмотренных нами правовых текстов. Если же мысленно спроецировать этот результат на иные институты немецкого права, которые еще ждут своего глубокого и всестороннего исследования, не говоря уже о немецком гражданском праве в целом, то на передний план выступает задача продолжения перевода немецкого законодательства и правовых текстов научного характера, а также исследование имеющихся переводов правовых текстов с точки зрения их адекватности и, соответственно, внесения возможных корректив. Названные задачи, по нашему мнению, являются актуальным вызовом для правоведов, исследующих немецкое гражданское право, а также для филологов — переводчиков немецких правовых текстов. Именно эта сфера представляется нам весьма плодотворным полем для междисциплинарного сотрудничества тех и других специалистов, о целесообразности которого мы писали выше. Развивая заочную форму такого совместного творчества, мы хотели бы затронуть несколько практических аспектов, актуальных, по нашему мнению, для российской цивилистики.

Начнем с аспекта, который имеет общий характер и, на первый взгляд, чисто техническое значение. При ссылках на нормы из законов и судебных решений авторы соответствующих норм, как правило, не указываются. Иначе должно быть в случае, когда делается ссылка на норму иностранного права. В этом случае указывать переводчика соответствующей нормы мы считаем необходимым¹²⁷. Ведь, как показало наше исследование, переводы любых правовых текстов являются лишь мнениями об этих текстах. Соответственно переводы норм иностранного права могут иногда существенно отличаться друг от друга. Нахождение верного перевода — сложная научная задача. С одной стороны, у каждого могут быть ошибки, но с другой — если кому-либо удастся найти верный перевод, то необходимо отметить заслугу этого переводчика, сославшись на него.

Опираясь на наш опыт, мы можем подтвердить верность суждения В. А. Татаринова: «Привычка пользоваться вариантами перевода из переводов *предыдущих поколений* переводчиков может иметь плачевные результаты»¹²⁸. При исследовании права историческим методом иногда обнаруживаются заблуждения законодателей и правоведов, иногда выявляются важные для толкования культурно-исторические аспекты, а также специальные, например политические или экономические, мотивы принятия отдельных нормативных актов или научных точек зрения. Такие результаты могут быть существенны для развития теории и практики. Не меньшее значение имеет обнаружение ошибочного или требующего уточнения варианта

¹²⁷ В рассмотренных нами российских исследованиях мы таких указаний в большинстве случаев не находили.

¹²⁸ Татарин В. А. Методология научного перевода. С. 189.

перевода правового текста нормативного или научного характера. Если уже при так называемых официальных переводах стандартизированных правовых текстов, свидетельствующих об актах гражданского состояния, требуется указание имени переводчика, то тем более требуется указание имени переводчика при переводе текстов нормативных актов. Здесь это указание необходимо для обеспечения возможности научной дискуссии по вопросам перевода отдельных правовых терминов, для отказа от того или иного варианта перевода и для принятия верного варианта перевода. Этот общий аспект, относящийся ко всей сфере правовой лингвистики, имеет большое значение для рассматриваемой нами ниже специальной задачи, стоящей перед современной российской цивилистикой.

Следующий аспект указанной сферы исследований обладает без преувеличения чрезвычайной актуальностью, а также чрезвычайной и многосторонней сложностью. Мы имеем в виду перевод Гражданского уложения Германии (Германского гражданского уложения, ГГУ; *Bürgerliches Gesetzbuch*, BGB). Как это ни парадоксально, одна из сложностей заключается в том, что перевод ГГУ на русский язык давно существует: в 2008 г. вышло в свет уже его 3-е издание¹²⁹. Перевод такого обширного и известного своей сложностью правового текста можно считать заслугой его авторов¹³⁰. Однако, несмотря на работу, предшествовавшую 3-му изданию, этот перевод сохранил некоторые недостатки¹³¹. Часть из них, вероятно, не имеет существенного характера. Но, как часто бывает в праве, то, что для одних ситуаций не существенно, для других ситуаций может иметь большое значение.

При осуществлении наших предметных исследований имевшиеся в российской литературе переводы отдельных параграфов ГГУ мы, есте-

¹²⁹ Гражданское уложение Германии / пер. с нем.; науч. ред. В. Бергманн (и др.). 3-е изд., перераб. М., 2008. — Базой для данного издания является издание 1996 г., осуществленное с российской стороны Исследовательским центром частного права (ИЦЧП, Москва). Эта базовая публикация вышла в свет в переводе А. А. Лизунова, Н. Б. Шеленковой и Н. Г. Елисеева под науч. ред. проф. В. В. Залесского и включала «Введение» проф. В. Бергманна и проф. Е. А. Суханова. Поскольку институционально базовый перевод изначально был связан с ИЦЧП, то в дальнейшем 3-е издание перевода Гражданского уложения Германии мы будем называть «Перевод ИЦЧП».

¹³⁰ Во введении к Переводу ИЦЧП его составитель В. Бергманн признаёт, что работа над ним вызвала серьезные трудности терминологического характера: *Бергманн В.* Введение к пониманию германского Гражданского уложения // Гражданское уложение Германии. С. VII.

¹³¹ Методологически работа над Переводом ИЦЧП была организована на достаточно высоком уровне: в ней участвовали обладающие высшим уровнем соответствующей компетенции русские и немецкие юристы и лингвисты; авторы учитывали специфику правовых и социальных представлений российского читателя; в книге использован аппарат примечаний и пояснений. Как показывает наше исследование, никакая тщательная и добросовестная работа не может полностью обезопасить от недостатков. Ввиду этого, с одной стороны, упоминание нами недостатков Перевода ИЦЧП в настоящей статье и в наших предметных исследованиях является ответом на просьбу В. Бергмана высказывать конкретные критические замечания; с другой стороны, как эти замечания, так и наши переводы немецких правовых текстов, естественно, сами нуждаются в публичной апробации.

ственно, сопоставляли с текстом оригинала¹³². Однако для передачи текста последнего на русском языке мы, что также естественно, первоначально обращались именно к Переводу ИЦЧП. Лишь в результате этого сложного сопоставления мы порой обнаруживали недостатки и в самом Переводе ИЦЧП. Итак, во-первых, результаты проверки Перевода ИЦЧП в наших предметных исследованиях имели побочный, дополнительный характер, во-вторых, эта проверка проведена нами в отношении узкого круга норм немецкого вещного права или тесно связанных с ним норм (около 20 параграфов). По результатам же этой выборочной проверки следует заключить, что работа над совершенствованием перевода ГГУ должна быть продолжена. Взаимосвязанными главными целями этой работы должны быть полная проверка адекватности перевода ГГУ и сопровождение каждой статьи комментарием. Одной из целей этих комментариев должно стать создание более широкой (чем «буква», т. е. собственно текст, соответствующего параграфа) основы для верного понимания переводимой нормы.

Разумеется, сложность этой задачи требует объединения творческих усилий большого числа специалистов, значительного времени, а также изменения методов работы и ее организации. В ходе исследования у нас сформировались предложения, касающиеся этих изменений. Теоретической основой наших предложений является прежде всего положение методологии научного перевода, сформулированное Д. Урбанеком: «Новый перевод в принципе ставит под знак вопроса вариант интерпретации оригинала, предложенный в ранее выполненных переводах. В то же время даже самые новаторские переводы хранят память о более ранних интерпретациях, пусть даже в плане их отрицания, в виде элементов микростилистики: приемов перевода, выбора решений на перевод, становясь общей вербальной базой переводческой серии. Прогресс в переводческой серии является в какой-то мере коллективным творчеством»¹³³. Для достижения вышеуказанных целей в нашем случае необходимо следовать концепции «создания синтезирующего перевода-образца как компиляции наилучших фрагментов отдельных переводов серии»¹³⁴. Подчеркнем, что приводимые ниже формы реализации этой концепции имеют характер приблизительной схемы, детали же ее, естественно, подлежат обсуждению.

Итак, мы полагаем, что перевод каждой статьи ГГУ и комментариев к ним должен происходить по процедуре, в основе которой лежала бы процедура защиты диссертаций. Специфика работы требует, конечно же, ряда изменений. Следуя такой процедуре, имеющееся издание перевода ГГУ ИЦЧП можно было бы приравнять по значению к публикации автореферата. Теперь необходимо дать соразмерный срок для подготовки отзывов и альтернативных вариантов переводов и комментариев. При определении этого срока следует учитывать реальные сроки подготовки, например, се-

¹³² Наиболее полно результаты этих исследований изложены в нашей монографии: Будилов В. М. Перенос права собственности по договору в концепции вещного права Германии: к дискуссии о развитии российского вещного права. М., 2015.

¹³³ Цит. по: Татаринов В. А. Методология научного перевода. С. 282–283.

¹³⁴ Там же.

рьезной научной публикации, а также помнить о том, что слишком короткий срок может негативно сказаться на качестве работы¹³⁵. Возможны, конечно, различные варианты работы. Принципиальным же мы считаем положение о том, что по отдельным книгам ГГУ образуются отдельные редакционные коллективы (комиссии) из числа наиболее выдающихся российских специалистов по соответствующей подотрасли гражданского права (по второй книге — «Право обязательственных отношений» — целесообразно создание даже двух коллективов: по первым семи главам, т. е. по общим положениям, и по отдельным обязательственным отношениям). Весьма желательно участие в этих коллективах:

— филологов-переводчиков, имеющих большой опыт перевода соответствующих правовых текстов, а также соответствующих составителей немецко-русского юридического словаря;

— немецких ученых и/или практиков, которые владеют русским языком.

Следующие два взаимосвязанных вопроса: кто сможет подготовить «отзыв» и кто сможет его прислать?

Один из возможных вариантов работы: один, два или более коллективов ученых (для подготовки комментариев и/или поправок к переводу; возможно также участие коллектива ИЦЧП), например на базе одной или нескольких кафедр гражданского права, готовят коллективный «отзыв», к работе над которым они могут привлекать того, кого сочтут необходимым. Здесь также возможны различные варианты. В зависимости от избранного варианта комиссия заслушивает и обсуждает полученные «отзывы», включая варианты комментариев. Результатом работы должен быть эквивалентный текст ГГУ и адекватный комментарий к каждой статье ГГУ на русском языке. Эти тексты издаются, скажем, шестью отдельными книгами, с указанием ученых, принявших участие в составлении окончательного текста.

Перевод ГГУ представлен здесь как пример, — ту же схему работы целесообразно рассмотреть применительно к переводу других важнейших нормативных актов иностранного права. Что же касается гражданского права, то создание таких переводов и комментариев к ним может стать солидной базой для развития российского гражданского права.

7.2. Немецко-русский словарь терминов гражданского права.

С рассмотренным выше аспектом правовой лингвистики тесно связана задача создания немецко-русского словаря терминов гражданского права. Одновременно можно вести речь о русско-немецком словаре тех же терминов, а также об аналогичных словарях для других языков. Как подтвердило наше исследование, для нахождения значения одних терминов необходимо проведение исследований исторической перспективы, других — системной перспективы, третьих — глубокое исследование самой

¹³⁵ Для обеспечения возможности участия в этом проекте ученых, которые, с одной стороны, имеют большой творческий потенциал, но с другой — лишь недавно приступили к исследованию соответствующего правового института, этот срок, по нашему мнению, должен быть не менее года.

современной литературы, четвертых — и того, и другого, и третьего; однако в словаре необходимо отражать только концентрированный результат этой работы, по возможности в виде соответствующего русского термина.

Консервативность и статичность терминологических систем гражданского права всегда сочетается с их новаторством и динамичностью¹³⁶. Общая методология научного перевода и общая правовая лингвистика содержат положения, позволяющие при переводе правовых текстов охватывать и то, и другое свойство права¹³⁷. В качестве примера мы хотели бы засвидетельствовать верность и применимость нижеследующих выводов к сфере гражданского права.

Говоря о необходимости составления актуальных специальных *словарей*¹³⁸, В. А. Татаринов справедливо подчеркивает, что «нормативные издания не всегда отражают реальные процессы, происходящие в терминосистеме, включают термины малоинформативные, неточно и неполно описывающие терминосистему»¹³⁹.

Мы полностью присоединяемся к сожалению, высказанному Р. Л. Насоновой: «У нас еще издается мало специальных юридических словарей, которые обеспечивали бы правильный перевод правовой литературы, а словарей, которые подразделяли бы лексические единицы юриспруденции по аспектам (отраслям) права, и вовсе не существует»¹⁴⁰. Не раз мы сталкивались и с тем, что «одной из значимых проблем синонимии является возникновение “ложных синонимов”, которые появляются, как правило, в результате пользования немецко-русскими общими словарями»¹⁴¹.

Итак, мы считаем, что одновременно с работой над переводом ГГУ и комментарием к нему требуется вести работу над составлением подробного немецко-русского словаря терминов гражданского права. Весьма целесообразно корреспондирующее связывание этих двух произведений путем соответствующих ссылок в словаре на комментарий.

¹³⁶ Примером высшей степени динамичности является так называемое информационное право, значительная часть которого относится к гражданскому праву. Понятия, образующие основу информационного права, появились совсем недавно, однако, как указывает специалист по этой отрасли А. П. Вершинин, они часто пересматриваются и уточняются в результате создания новых видов носителей информации, телекоммуникационных инструментов... [а их] определения могут содержать логические ошибки (например, тавтологию) или быть слишком общими» (*Вершинин А. П.* Медиалексикон: словарь-справочник. СПб., 2015. С. 4 (Предисловие)).

¹³⁷ См. выше тезис В. А. Татаринова о процессе обесценения словарей: *Татаринов В. А.* Методология научного перевода. С. 174.

¹³⁸ «Локальных терминологических словарей».

¹³⁹ *Татаринов В. А.* Методология научного перевода. С. 306.

¹⁴⁰ *Насонова Л. Р.* Теоретические проблемы исследования терминов на примерах юридической лексики немецкого языка // Российское право в Интернете. № 2008(08). URL: <http://www.rpi.msal.ru/prints/200804nasonova.html> (дата обращения: 16.04.2009).

¹⁴¹ Там же.

Литература

- Бачинин В. А.* История философии и социологии права. СПб.: Изд. Михайлова, 2001. 334 с.
- Бергманн В.* Введение к пониманию германского Гражданского уложения // Гражданское уложение Германии / пер. с нем.; науч. ред. В. Бергманн (и др.). М.: Волтерс Клувер, 2008. С. VIII–XVIII.
- Берман А.* Испытание чужим: Культура и перевод в романтической Германии // Логос. 2011. № 5–6. С. 92–113.
- Бетти Э.* Герменевтика как общая методология наук о духе / пер. с нем. Е. В. Борисова. М.: Канон+ РооИ «Реабилитация», 2011. 143 с.
- Будилов В. М.* Невербальные правовые тексты и невербальная правовая коммуникация: к дискуссии о понятии правовой действительности // Коммуникативная теория права и современные проблемы юриспруденции. К 60-летию Андрея Васильевича Полякова: коллективная монография: в 2 т. Т. 1. Коммуникативная теория права в исследованиях отечественных и зарубежных ученых / под ред. М. В. Антонова, И. Л. Честнова. СПб.: Алеф-Пресс, 2014. С. 302–335.
- Будилов В. М.* Перенос права собственности по договору в концепции вещного права Германии: к дискуссии о развитии российского вещного права. М.: Статут, 2015. 559 с.
- Валадес Д.* Язык права и право языка. М.: Идея-Пресс, 2008. 160 с.
- Ван Хук М.* Европейские правовые культуры в контексте глобализации. В честь Андрея Полякова // Коммуникативная теория права и современные проблемы юриспруденции. К 60-летию Андрея Васильевича Полякова: коллективная монография: в 2 т. Т. 2. Актуальные проблемы философии права и юридической науки в связи с коммуникативной теорией права / под ред. М. В. Антонова, И. Л. Честнова. СПб.: Алеф-Пресс, 2014. С. 7–32.
- Васьковский Е. В.* Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. М.: АО Центр ЮрИнфоР, 2002. 507 с.
- Вершинин А. П.* Медиалексикон: словарь-справочник. СПб.: Профессия, 2015. 127 с.
- Гамбаров Ю. С.* Курс гражданского права. Т. 1. Часть общая. СПб., 1911. 793 с.
- Гирке О. фон.* Естественное право и немецкое право // Савиньи Ф. К. фон. Система современного римского права. Т. 1 / под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. М.: Статут, 2011. С. 15–35.
- Гражданское право: учебник: в 3 т. / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. Т. 3. М., 2001. 784 с.
- Гражданское уложение Германии / пер. с нем.; науч. ред. В. Бергманн (и др.). М.: Волтерс Клувер, 2008. 896 с.
- Громов М. Н., Мильков В. В.* Идеиные течения древнерусской мысли. СПб., 2001. 960 с.
- Грязин И. Н.* Право есть миф // Правоведение. 2011. № 5. С. 72–95.
- Жуанжан О.* «Филологический поворот» в науке права: история и метафизика в работах Савиньи // Правоведение. 2011. № 4 (297). С. 221–235.
- Завадский А. В.* К учению о толковании и применении гражданских законов. М.: АО Центр ЮрИнфоР, 2008. 463 с.
- Заикина А. В.* К вопросу о формировании переводческой компетенции у студентов-юристов в процессе обучения иноязычной коммуникации // Российское право в Интернете. № 2008 (08). URL: <http://www.rpi.msal.ru/prints/200802kompeten.html> (дата обращения: 16.04.2009).

- Зеньковский В. В.* История русской философии: в 2 т. Т. 1. Ростов н/Д: Феникс, 2004. 542 с.
- Иеринг Р. фон.* Избранные труды: в 2 т. Т. 2. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. 545 с.
- Ильин И. А.* О чтении и критике // Ильин И. А. Одинокий художник: статьи, речи, лекции. М.: Искусство, 1993. С. 18–40.
- Ильин И. А.* Что такое художественность // Ильин И. А. Одинокий художник: статьи, речи, лекции. М.: Искусство, 1993. С. 250–256.
- Кассен Б.* В защиту непереводаемости. Беседа с Микаэлем Устинофф // Логос. 2011. № 5–6. С. 4–12.
- Кант И.* Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994. 592 с.
- Левитан К. М.* Юридический перевод: основы теории и практики. М.: Проспект; Екатеринбург: Уральская государственная юридическая академия, 2011. 351 с.
- Локшина М. Д.* Проблема повышения информативности законодательного текста // Язык закона / под ред. А. С. Пиголкина. М., 1990. С. 180–190.
- Медведев Д. А.* Новый Гражданский кодекс Российской Федерации: вопросы кодификации // Кодификация российского частного права / под ред. Д. А. Медведева. М.: Статут, 2008. С. 5–34.
- Муромцев С. А.* Гражданское право Древнего Рима. М.: Статут, 2003. 685 с.
- Мушнина М. М.* О правовой лингвистике в Германии // Юрлингвистика-5: Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права: сб. статей / под ред. Н. Б. Лебедевой, О. Н. Матвеевой, Т. В. Чернышовой. Барнаул, 2004. URL: <http://irbis.asu.ru/mmc/juris5/2.ru.shtml> (дата обращения: 20.04.2009).
- Насонова Л. Р.* Теоретические проблемы исследования терминов на примерах юридической лексики немецкого языка // Российское право в Интернете. № 2008 (08). URL: <http://www.rpi.msal.ru/prints/200804nasonova.html> (дата обращения: 16.04.2009).
- Общая теория государства и права: академический курс: в 2 т. / отв. ред. М. Н. Марченко. Т. 2. М.: Зерцало-М, 2002. 640 с.
- Платон.* Федон / пер. С. Маркиша // Платон. Избранные диалоги. М.: Рипол Классик, 2001. С. 851–930.
- Поляков А. В.* Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода. М.: Проспект, 2016. 832 с.
- Поляков А. В.* Язык нормотворчества и вопросы юридической техники // Поляков А. В. Коммуникативное правопонимание: избранные труды. СПб.: Алеф-Пресс, 2014. С. 364–382.
- Реале Дж., Антисери Д.* Западная философия от истоков до наших дней: в 4 т. Т. 2. Средневековье. СПб.: Петрополис, 1994. 320 с.
- Савиньи Ф. К.* Обязательственное право. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 576 с.
- Савиньи Ф. К. фон.* О призвании нашего времени к законодательству и юриспруденции // Савиньи Ф. К. фон. Система современного римского права. Т. 1 / пер. с нем. Г. Жигулина; под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. М.: Статут, 2011. С. 128–207.
- Сакко Р.* Истинные и ложные проблемы сравнительного права // Ежегодник гражданского права. Вып. IV (2007–2009) / под ред. Б. Л. Хаскельберга, Д. О. Тузова. Томск: Пеленг, 2010. С. 336–371.
- Сдобников В. В., Петрова О. В.* Теория перевода. М.: Изд. АСТ, 2008. 444 с.
- Сенека Л. А.* Нравственные письма к Луцилию. М.: Эксмо, 2010. 574 с.
- Сенкевич М. П.* Стилистика научной речи и литературное редактирование научных произведений. М.: Высшая школа, 1984. 317 с.

Тарасова М. Р. Феномен литературной критики в интерпретации И. А. Ильина // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. «Русская филология». 2009. № 4. С. 168–171.

Татаринов В. А. Методология научного перевода. М.: Московский Лицей, 2007. 383 с.

Тимошина Е. В. Политико-правовая идеология русского пореформенного консерватизма: К. П. Победоносцев. СПб.: Изд. СПбГУ, 2000. 204 с.

Тимошина Е. В. История русской философии права: эпоха средневековья: учеб. пособие. СПб.: Изд. Лема, 2014. 70 с.

Ткаченко С. В. Рецепция римского права: вопросы теории и истории: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. URL: <http://www.allpravo.ru/library/doc108p/instrum6674/> (дата обращения 16.04.2009).

Хижняк С. П. Юридическая терминология: формирование и состав. Саратов: Изд Саратовского университета, 1997. 136 с.

Чернявская В. Е. Интерпретация научного текста. М.: КомКнига, 2006. 128 с.

Barteloot P. Der Rahmen juristischer Übersetzungen // *Recht und Übersetzen* / Hrsg. G.-R. de Groot; R. Schulze. Baden-Baden, 1999. S. 101–113.

Beck'sische Kurz-Kommentare. Bürgerliches Gesetzbuch / Hrsgb. O. Palandt, G. Brudermüller und andere. 76 Auflage. München: Beck, 2017. 3247 S.

Eriksen L. Einführung in die Systematik der juristischen Fachsprache // *Juristische Fachsprache. Kongressberichte des 12th European Symposium on Language for Special Purposes, Bruxelles/Bressanone 1999* / Hrsg. L. Eriksen, K. Luttermann. Münster LIT Verlag, 2002 (Reihe "Rechtslinguistik — Studien zu Text und Kommunikation").

Gierke O. von. *Naturrecht und deutsches Recht*. Frankfurt am Main: Rütten und Loening, 1883. Available at: <http://www.gleichsatz.de/b-u-t/can/rec/gierke1a.html> (accessed: 20.03.2016).

Lang J. J. Beiträge zur Hermeneutik des Römischen Rechts. Stuttgart: Cotta, 1857. 298 S.

Luttermann K. Übersetzen juristischer Texte als Arbeitsfeld der Rechtslinguistik // *Recht und Übersetzen* / Hrsg. G.-R. de Groot; R. Schulze. Baden-Baden, 1999. S. 47–57.

Savigny F. C. von. *System des heutigen römischen Rechts*. Band 1. Berlin: Veit und Comp, 1840. 429 S.

References

Bachinin V. A. *Istoriia filosofii i sotsiologii prava* [History of philosophy and sociology of law]. St. Petersburg, Publishing House Mikhailova, 2001. 334 p. (In Russian)

Barteloot P. Der Rahmen juristischer Übersetzungen [The framework of legal Translations]. de Groot, Gerard-Rene; Schulze, Reiner (Hrsg.). *Recht und Übersetzen* [Law and Translation]. Baden-Baden: Nomos, 1999, S. 101–113. (In German)

Beck'sische Kurz-Kommentare. Bürgerliches Gesetzbuch [Beck's Short comments. The Civil Code]. Hrsgb. O. Palandt, G. Brudermüller und andere. 76 Auflage. München, Beck, 2017. 3247 p. (In German)

Bergmann W. Introduction to understanding the German Civil Code. *German Civil Code*. Translation from the German. Moscow, Publishing House Wolters Kluwer, 2008, pp. VIII–XVIII.

Berman A. Ispytanie chuzhim: Kul'tura i perevod v romanticheskoi Germanii [The test by the alien: Culture and translation in the romantic Germany]. *Logos*, 2011, no. 5–6, pp. 92–113. (In Russian)

Betti E. *Hermeneutics as a general methodology of science on spirit*. Translation from the German. Moscow, Publishing House «Canon+» Rooi «Rehabilitation», 2011. 143 p.

Budilov V. M. [Non-verbal legal texts and non-verbal legal communication: to the discussion about the concept of legal reality]. *Kommunikativnaia teoriia prava i sovremennye problemy iurisprudentsii. K 60-letiiu Andreia Vasil'evicha Poliakova: kollektivnaia monografiia: v 2 t. T. 1. Kommunikativnaia teoriia prava v issledovaniakh otechestvennykh i zarubezhnykh uchenykh [The communicative theory of law and modern problems of jurisprudence. Dedicated to the 60th birthday of A. V. Polyakov. Collective monograph. Vol. 1. The communicative theory of law in studies of domestic and foreign scientists]*. Ed. by M. V. Antonov, I. L. Chestnov; Preface D. I. Lukovskaya, E. V. Timoshina. St. Petersburg, Publishing House Alef-Press, 2014, pp. 302–335. (In Russian)

Budilov V. M. *Perenos prava sobstvennosti po dogovoru v kontseptsii veshchnogo prava Germanii: k diskussii o razvitiu rossiiskogo veshchnogo prava [Transfer of ownership on the basis of the contract in the concept of German property law: to the discussion on the development of the Russian property law]*. Moscow, Publishing House Statute, 2015. 559 p. (In Russian)

Cassin B. V zashchitu neperevodimosti. Beseda s Mikaelem Ustinoff [In favor of the non-translatability. Interview with Mikael Ustinoff]. *Logos*, 2011, no. 5–6, pp. 4–12. (In Russian)

Chernyavskaya V. E. *Interpretatsiia nauchnogo teksta [Interpretation of scientific text]*. Moscow, Publishing house KomKniga. 2006. 128 p. (In Russian)

Eriksen L. Einführung in die Systematik der juristischen Fachsprache [Introduction to the specialized legal language]. Eriksen L.; Luttermann K. (Hrsg.). *Juristische Fachsprache. Kongressberichte des 12th European Symposium on Language for Special Purposes, [Specialist Legal Language. Congress reports of the 12th European Symposium on Language for Special Purposes]* Bruxelles/Bressanone 1999. Münster LIT Verlag, 2002 (Reihe „Rechtslinguistik — Studien zu Text und Kommunikation“), pp. 1–19. (In German)

Gambarov Yu. S. *Kurs grazhdanskogo prava. T. 1. Chast' obshchaia [Course of civil law. Vol. 1. General part]*. St. Petersburg, 1911. 793 p. (In Russian)

German Civil Code. Translation from the German. Moscow, Publishing House Wolters Kluwer, 2008. 896 p.

Gierke O. von. Natural law and German law. Savigny F. C. von. *Sistema sovremenno rimskogo prava. T. 1 [The system of modern Roman law. Vol. 1]*. Ed. by O. Kutateladze, V. Zubar. Moscow, Publishing House Statute, 2011, pp. 15–35. (In Russian)

Gierke O. Von. *Naturrecht und deutsches Recht [Natural law and German law]*. Frankfurt am Main: Rütten und Loening, 1883. Available at: <http://www.gleichsatz.de/b-u-t/can/rec/gierke1a.html> (accessed: 20.03.2016) (In German)

Grazhdanskoe pravo: uchebnik: v 3 t. [Civil law. In 3 volumes. Vol. 3. Tutorial]. Eds. A. P. Sergeev, Yu. K. Tolstoy. Moscow, Publishing house Prospect, 2001, pp. 98–270. (In Russian)

Gryazin I. N. Pravo est' mif [Law is myth]. *Pravovedenie*, 2011, no. 5, pp. 72–95. (In Russian)

Gromov M., Mil'kov V. V. *Ideinye techeniia drevnerusskoi mysli [Ideological directions of ancient Russian thought]*. St. Petersburg, 2001. 960 p. (In Russian)

Ilyin I. A. [About reading and criticism]. Ilyin I. A. *Odinokii khudozhnik: stat'i, rechi, lektsii [Lonely artist: articles, speeches and lectures]*. Moscow, Publishing House Iskusstvo, 1993, pp. 18–40. (In Russian)

Ilyin I. A. [What is art]. Ilyin I. A. *Odinokii khudozhnik: stat'i, rechi, lektsii [Lonely artist: articles, speeches and lectures]*. Moscow, Publishing House Iskusstvo, 1993, pp. 250–256. (In Russian)

Jhering R. von. *Selected works*. In 2 volumes. Volume 2. St. Petersburg, Publishing House "Juridicheskyy Center Press", 2006. 545 p.

Jouanjan O. A "Filologicheskii povorot" v nauke prava: istoriia i metafizika v rabotakh Savin'i [«Philological turn» in the science of law: history and metaphysics in the works of F. von Savigny]. *Pravovedenie*, 2011, no. 4 (297), pp. 221–235. (In Russian)

Kant I. *Critique of pure reason*. Moscow, Publishing House Mysl (Thought) 1994. 592 p.

Khizhnyak S. P. *Iuridicheskaiia terminologiya: formirovanie i sostav* [Legal terminology: formation and composition]. Saratov, Publishing house of the Saratov University. 1997. 136 p. (In Russian)

Lang J. J. *Beiträge zur Hermeneutik des Römischen Rechts* [Contributions to the hermeneutics of Roman Law]. Stuttgart, Cotta, 1857. 298 p. (In German)

Levitan K. M. *Iuridicheskii perevod: osnovy teorii i praktiki* [Legal translation: basis of theory and practice]. Moscow, Publishing House "Prospect"; Ekaterinburg, Publishing House "Ural State Law Academy", 2011. 351 p. (In Russian)

Lokshina M. D. [The problem of increasing the informativity of a legislative text]. *Iazyk zakona* [The language of the law]. Ed. by A. C. Pigolkin. Moscow, 1990, pp. 180–190. (In Russian)

Luttermann K. Übersetzen juristischer Texte als Arbeitsfeld der Rechtslinguistik [Translation of Legal texts as a field of legal linguistics]. de Groot, Gerard-Rene; Schulze, Reiner (Hrsg.). *Recht und Übersetzen* [Law and Translation]. Baden-Baden, Nomos, 1999, pp. 47–57. (In German)

Medvedev D. A. [New Civil Code of the Russian Federation: codification issues]. *Kodifikatsiia rossiiskogo chastnogo prava* [Codification of Russian private law]. Ed. by D. A. Medvedev. Moscow, Publishing House Statute, 2008, pp. 5–34. (In Russian)

Muromtsev S. A. *Grazhdanskoe pravo Drevnego Rima* [Civil law of ancient Rome]. Moscow, Publishing House Statute, 2003. 685 p. (In Russian)

Mushhinina M. M. [On legal linguistics in Germany]. *Iurlingvistika-5: Iuridicheskie aspekty iazyka i lingvisticheskie aspekty prava: sb. statei* [A collection of articles "Jurlingvistika-5: legal aspects of language and linguistic aspects of the law"]. 2004. Publishing house Altai State University. Eds. by N. B. Lebedeva, O. N. Matveeva, T. V. Chernyshova. Available at: <http://irbis.asu.ru/mmc/juris5/2.ru.shtml> (accessed: 20.04. 2009). (In Russian)

Nasonova L. R. Teoreticheskie problemy issledovaniia terminov na primerakh iuridicheskoi leksiki nemetskogo iazyka [Theoretical problems of study of terms on examples of legal terms vocabulary of German]. *Rossiiskoe pravo v Internete* [Journal "Russian law in the Internet"]. no. 2008 (08). Available at: <http://www.rpi.msal.ru/prints/200804nasonova.html> (accessed: 16.04.2009). (In Russian)

Obshchaia teoriia gosudarstva i prava: akademicheskii kurs: v 2 t. [General theory of state and law. Academic course in 2 volumes]. Vol. 2. Ed. by M. N. Marchenko. Moscow, Publishing house Zercalo-M, 2002. 640 p. (In Russian)

Plato. Phaedo. *Plato. Selected dialogues*. Moscow, Publishing House Ripol Classic, 2001, pp. 851–930.

Polyakov A. V. [The language of norm-setting and issues of legal technology]. Polyakov A. V. *Kommunikativnoe pravoponimanie: izbrannyye trudy* [Communicative legal thinking. Selected works]. St. Petersburg, Publishing House Alef-Press. 2014, pp. 364–382. (In Russian)

Polyakov A. V. *Obshchaia teoriia prava: problemy interpretatsii v kontekste kommunikativnogo podkhoda* [General theory of law: problems of interpretation in the context of the communicative approach]. Moscow, Publishing house Prospekt, 2016. 832 p. (In Russian)

Reale G., Antiseri D. *Western philosophy from its origins to our days*. In 4 volumes. Vol. 2. The middle ages. St. Petersburg, Publishing House Petrópolis, 1994. 320 p.

Sacco R. True and false problems of comparative law. *Yearbook of civil law*. Issue. IV (2007–2009). Eds. by B. L. Haskel'berg, D. O. Tuzov. Tomsk, Publishing house Peleng, 2010, pp. 336–371.

Savigny F. C. *Law of obligations*. St. Petersburg, Publishing House Juridicheskyy Center press, 2004. 576 p.

Savigny F. C. von. On the vocation of our age for legislation and jurisprudence. Savigny F. C. von. *The system of modern Roman law*. Vol. 1. Eds. by O. Kutateladze, V. Zubar. Moscow, Publishing House Statute, 2011, pp. 128–207.

Savigny F. C. von. *System des heutigen römischen Rechts [The System of today's Roman Law]*. Band 1. Berlin, Veit und Comp, 1840. 429 p. (In German)

Sdobnikov V. V., Petrova O. V. *Teoriia perevoda [Theory of translation]*. Moscow, Publishing house AST, 2008. 444 p. (In Russian)

Seneca L. A. *Moral letters to Lucillus*. Moscow, Publishing house Eksmo, 2010. 574 p.

Senkevich M. P. *Stilistika nauchnoi rechi i literaturnoe redaktirovanie nauchnykh proizvedenii [Stylistics scientific language and literary editing of scientific works]*. Moscow, Publishing house Vysshaya shkola (High school), 1984. 317 p. (In Russian)

Tarasova M. R. Fenomen literaturnoi kritiki v interpretatsii I. A. Il'ina [Phenomenon of literary criticism in the interpretation of I. A. Ilyin]. *Vestnik of Moscow regional State University*. Series "Russian Philology", 2009, no. 4, pp. 168–171. (In Russian)

Tatarinov V. A. *Metodologiya nauchnogo perevoda [Methodology of scientific translation]*. Moscow, The Moscow Lyceum, 2007. 383 p. (In Russian)

Timoshina E. V. *Istoriia russkoi filosofii prava: epokha srednevekov'ia: ucheb. posobie [History of Russian philosophy of law: the era of the middle ages. Tutorial]*. St. Petersburg, Publishing House LEMA, 2014. 70 p. (In Russian)

Timoshina E. V. *Politiko-pravovaia ideologiya russkogo poreformennogo konservatizma: K. P. Pobedonostsev [Political and legal ideology of the Russian conservatism after the reforms of the sixties of the 19th century: K. P. Pobedonostsev]*. St. Petersburg: Publishing house of the St. Petersburg State University, 2000. 204 p. (In Russian)

Tkachenko S. V. *Retseptsiia rimskogo prava: voprosy teorii i istorii*. Dis. kand. iurid. nauk [Reception of Roman law: issues of theory and history. The dissertation on obtaining of a scientific degree of candidate of legal sciences], 2006. Available at: <http://www.all-pravo.ru/library/doc108p/instrum6674/> (accessed: 16.04.2009). (In Russian)

Valades D. *Iazyk prava i pravo iazyka [Language of law and law of language]*. Moscow, Publishing House Idea-Press, 2008. 160 p. (In Russian)

Van Hoecke M. [European legal culture in the context of globalization. In honor of Andrey Polyakov]. *Kommunikativnaia teoriia prava i sovremennye problemy iurisprudentsii. K 60-letiiu Andreia Vasil'evicha Poliakova: kollektivnaia monografiia: v 2 t. T. 1. Kommunikativnaia teoriia prava v issledovaniakh otechestvennykh i zarubezhnykh uchenykh [The communicative theory of law and modern problems of jurisprudence. Dedicated to the 60th birthday of A. V. Polyakov. Collective monograph. Vol. 2. Aktual'nye problemy filosofii prava i iuridicheskoi nauki v svyazi s kommunikativnoi teoriei prava]*. Ed. by M. V. Antonov, I. L. Chestnov. St. Petersburg, Publishing House Alef-Press, 2014, pp. 7–32. (In Russian)

Vaskovsky E. V. *Tsivilisticheskaya metodologiya. Uchenie o tolkovanii i primenении grazhdanskikh zakonov [Methodology of civil law. Teaching about the interpretation and application of the civil law]*. Moscow, Publishing House JSC Center JurlnfoR, 2002. 507 p. (In Russian)

Vershinin A. P. *Medialeksikon: slovar'-spravochnik [Medialexicon. Dictionary-reference book]*. St. Petersburg, Publishing House Profession, 2015. 127 p. (In Russian)

Zaikina A. V. K voprosu o formirovanii perevodcheskoi kompetentsii u studentov-iuristov v protsesse obucheniia inoiazychnoi kommunikatsii [To the issue of the formation of translation competence of law students in learning a foreign language communication]. *Rossiiskoe pravo v Internetе* [Journal "Russian law in the Internet"]. no. 2008 (08). Available at: <http://www.rpi.msal.ru/prints/200802kompeten.html> (accessed: 16.04.2009). (In Russian)

Zavadskiy A. V. *K ucheniiu o tolkovanii i primenenii grazhdanskikh zakonov* [To the teaching on the interpretation and application of the civil law]. Moscow, Publishing House JSC Center JurInfoR, 2008. 463 p. (In Russian)

Zen'kovskij V. V. *Istoriia russkoi filosofii: v 2 t.* [History of Russian philosophy. In 2 volumes]. Vol. 1. Rostov-on-Don, Publishing House Phoenix, 2004. 542 p. (In Russian)